А. П. Лебедевъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ

НРАВСТВЕННАГО СОСТОЯНІЯ ДУХОВЕНСТВА

ОТЪ II ПО VIII ВѢКЪ.

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГІЕВА ЛАВРА.
СОБСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1903.

Оттиски изъ № 6 и 7 „Богословскаго Вѣстника“ за 1903 годъ.

Печатать дозволяется. Іюля 8 дня, 1903 года.
Ректоръ Академіи, Епископъ *Арсеній.*

НѢСКОЛЬКО СВѢДѢНІЙ ИЗЪ ИСТОРІИ НРАВСТВЕННАГО СОСТОЯНІЯ ДУХОВЕНСТВА ОТЪ II ПО VIII ВѢКЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Каково было прежде всего нравственное состояніе духовенства въ II и III вѣкахъ? Предлагая себѣ подобный вопросъ, мы не имѣемъ въ виду входить во всѣ подробности нравственнаго состоянія духовенства; въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы пересказывать цѣлыя біографіи отцевъ и учителей церкви. Намъ кажется, что мы выполнимъ задачу историка, если разрѣшимъ вопросъ: были ли пастыри этого времени достойны своего высокаго назначенія руководить христіанъ въ истинѣ и добрѣ, или же нѣтъ? Въ какихъ болѣе выпуклыхъ историческихъ фактахъ выразилось это? Нравственный идеалъ пастыря II и III вѣка отчасти можно изучать на тѣхъ церковныхъ правилахъ, которыми указывалось, какихъ пастырей община должна была избирать себѣ. Въ извѣстномъ памятникѣ *Διδαχὴ* на этотъ счетъ говорится кратко: „избирайте и поставляйте достойныхъ епископовъ и діаконовъ, мужей кроткихъ и не сребролюбивыхъ, истинныхъ и испытанныхъ“ [1]). Подробнѣе предписанія въ такъ называемыхъ Canones ecclesiastici, но они тоже общи Здѣсь выражаются слѣдующія требованія отъ епископа, діакона и даже чтеца—въ большей или меньшей степени „Нужно разузнать, говорится въ этомъ памятникѣ о поставленіи пастырей, удерживаются ли они отъ грѣховъ,

[1]) XV, 1.

сострадательны ли къ бѣднымъ, честны ли, не пьяницы ли, не блудники ли, не корыстолюбивы ли или не болтуны ли, безпристрастны ли“ [1]) и т. п.

А какимъ долженъ быть пастырь, главнымъ образомъ епископъ, въ своихъ отношеніяхъ къ паствѣ, идеалъ этотъ начертанъ въ слѣдующихъ внушительныхъ словахъ Апостольскихъ Постановленій въ древнѣйшей ихъ части. „Епископъ долженъ любить мірянъ, какъ дѣтей, согрѣвая и любя ихъ страстно, какъ яйца, изъ которыхъ должны вывестись цыплята, или держа ихъ въ нѣдрахъ, какъ птенцовъ, изъ которыхъ должны вывестись куры,—всѣхъ научая, всѣхъ, кого только нужно наказывать, бія, но не поражая. Кто изъ мірянъ вслѣдствіе безчувствія и оцѣпенѣнія погрузился въ глубокій (нравственный) сонъ, и по причинѣ тяжести сна забылъ уже о требованіяхъ христіанской жизни, и такъ далеко ушелъ отъ собственнаго стада, что можетъ быть пожранъ волками, того отыскивай, и вразумляя обращай и убѣждай трезвиться и вселяй въ него надежду“. Епископъ долженъ такъ далеко простирать свое попеченіе о спасеніи вѣрующихъ, что „пусть даже онъ усвояетъ себѣ прегрѣшенія другаго и говоритъ ему: ты только обратись, а смерть за тебя возьму я, какъ Господь взялъ смерть за меня и за всѣхъ, ибо пастырь добрый полагаетъ жизнь свою за овецъ. Ты, какъ пастырь любвеобильный и пастухъ усердный, считай стадо, и чего не достаетъ, то разыскивай. Будучи врачемъ церкви Господней, ты употребляй врачеваніе приличное каждому больному, лѣчи всячески и вылѣчивай“ [2]).— Теперь спрашивается: отвѣчали ли пастыри церкви II и III вѣка этому идеалу? Мы должны замѣтить, что вообще пастырство этого времени своею ревностію о душевныхъ пользахъ ближняго, объ удовлетвореніи духовныхъ потребностей народа, своимъ самоотверженіемъ и искренностію представляетъ отрадное явленіе въ церковной исторіи. Особенными достоинствами со стороны нравственнаго характера отличались такіе пастыри,—какъ Игнатій Богоносецъ и Поликарпъ Смирнскій, отпечатлѣвшіе въ своихъ писаніяхъ высокій духъ христіанскій,—какъ Поликратъ Ефесскій, Діонисій Ко-

[1]) Harnack. Die Quellen der apostolischen Kirchenordnung. S. 8—9; 12; 17—18; 20—1; 24.

[2]) Кн. II, гл. 20.

ринѳскій, Ириней Ліонскій, съ полною готовностію и преданностію отдававшіе себя на служеніе церковнымъ интересамъ,—какъ Кипріанъ Карѳагенскій и Діонисій Александрійскій, которые жили одною нераздѣльною жизнію съ церковію и доблестно служили своему назначенію. Укажемъ нѣсколько частныхъ примѣровъ, которые бы съ ясностію показывали, какихъ доблестныхъ пастырей имѣла церковь этого времени. Примѣры, на которые мы укажемъ, малоизвѣстны, но зато они внушительны, поучительны и, пожалуй, трогательны. Епископъ Кесаріи палестинской Ѳеотекнъ въ гоненіе Валеріана (Галліена?) заявилъ себя при одномъ случаѣ человѣкомъ, въ высшей степени заботливымъ о твердости вѣры одного изъ своихъ пасомыхъ. Евсевій вотъ какъ разсказываетъ о событіи. Одинъ военачальникъ, именемъ Маринъ, по исповѣданію христіанинъ, долженъ былъ получить за свои военныя заслуги знакъ отличія—виноградную вѣтвь; но какой то завистникъ донесъ на Марина, что этотъ, какъ христіанинъ, не можетъ получать никакихъ отличій. Обвиненный потребованъ былъ на судъ; судьи, узнавъ, что онъ дѣйствительно христіанинъ, дали ему три часа на размышленіе: желаетъ ли онъ оставаться христіаниномъ, или рѣшится отречься отъ Христа, въ первомъ случаѣ ему угрожаетъ казнь. Въ эту-то рѣшительную минуту мѣстный епископъ Ѳеотекнъ является на помощь Марину. Неизвѣстно, какъ узналъ епископъ о случившемся на судѣ съ Мариномъ: отъ другихъ-ли, или самъ былъ здѣсь и узналъ о положеніи его. Какъ бы то ни было, но епископъ не оставилъ безъ благовременной помощи несчастнаго. Онъ вышелъ на встрѣчу Марину, взялъ его за руку, завелъ съ нимъ бесѣду и увлекъ его въ церковь. Здѣсь въ виду святилища, онъ вдругъ откинулъ плащъ у военачальника, и указывая одною рукою на мечъ, висѣвшій при немъ, а другою рукою на Евангеліе, велѣлъ ему выбрать одно изъ двухъ—мечъ или Евангеліе. Маринъ простеръ руку къ Евангелію и тѣмъ далъ знать, что онъ лучше умретъ, чѣмъ оставаясь военачальникомъ, отречется отъ вѣры. Пастырь выполнилъ свой долгъ съ такою предупредительностію, которая справедливо вызываетъ у историка Евсевія полную похвалу [1]). Пред-

[1]) Кн. VII, гл. 15.

ставимъ другой примѣръ, разсказанный намъ тѣмъ же Евсевіемъ [1]), примѣръ, показывающій, съ какою необычайною ревностію пастыри тѣхъ временъ заботились о чистотѣ вѣры и правильности религіозныхъ убѣжденій пасомыхъ. Въ Египтѣ въ арсинойскомъ округѣ епископъ Непотъ распространилъ въ обществѣ вѣрующихъ хиліастическія идеи, написалъ въ разъясненіе этого ученія книгу, а потомъ умеръ. Когда стало извѣстно о распространеніи такого ученія Діонисію александрійскому, онъ предпринялъ путешествіе въ арсинойскій округъ. Прибывъ сюда, онъ созываетъ всѣхъ пресвитеровъ и поселянъ, ведетъ съ ними бесѣду. Въ продолженіе трехъ дней разбираетъ съ ними книгу Непота. Внимательно выслушиваетъ возраженія, отвѣчаетъ на нихъ. Въ иныхъ случаяхъ не стыдится соглашаться со спорившими и уступать имъ, когда дѣло касалось вещей несущественныхъ. Такой трехдневный диспутъ архипастыря съ пасомыми имѣлъ самый счастливый успѣхъ: тѣ, кто прежде упорно держались хиліазма, отказались отъ заблужденія, заявивъ Діонисію, что не будутъ впередъ ни держаться, ни защищать, ни проповѣдывать подобнаго ученія. Вотъ примѣръ того, какъ доблестные пастыри первенствующей церкви понимали свои обязанности и какъ старались служить пользѣ своихъ пасомыхъ.

Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы страницы первоначальной исторіи христіанской церкви всегда повѣствовали объ отрадныхъ явленіяхъ въ сферѣ нравственныхъ отношеній духовенства. Вторая половина III вѣка въ особенности не бѣдна примѣрами пастырей со свойствами предосудительными, пастырей нерадивыхъ, себялюбивыхъ, корыстолюбивыхъ, злохудожныхъ.

Случалось и случалось нерѣдко, что пастыри этого времени мало слѣдовали тѣмъ образцамъ святой ревности, какая отличала пастырей II и начала III вѣка. Уже Кипріанъ, писатель средины III вѣка, въ нерадужныхъ краскахъ рисуетъ пастырей африканской церкви своего времени. „Весьма многіе епископы, жалуется Кипріанъ, переставъ заботиться о Божественномъ, стали заботиться о мірскомъ; оставивши каѳедру, покинувши народъ, они скитаются по чужимъ обла-

[1]) Кн. VII, гл. 24.

стямъ, стараясь не пропускать торговыхъ дней для корыстной прибыли, и когда братія въ церкви алчутъ—рѣчь идетъ о бѣдныхъ—они, увлекаемые любостяжаніемъ, коварно завладѣваютъ братскими, т. е. церковными, доходами, и давая чаще въ займы, увеличиваютъ свои барыши". Укоряя ихъ за корыстолюбіе, Кипріанъ вмѣстѣ съ тѣмъ упрекаетъ современныхъ ему африканскихъ священнослужителей и въ другихъ порокахъ, нетерпимыхъ въ предстоятелѣ церкви. „Незамѣтно стало, говоритъ онъ, въ священникахъ искренняго благочестія, въ служителяхъ чистой вѣры, въ дѣлахъ милосердія, въ нравахъ благочинія"[1]). Изъ сочиненій того же Кипріана видно, что для иныхъ самое принятіе сана духовнаго было не болѣе, какъ средствомъ проводить жизнь въ довольствѣ и веселіи. Кипріанъ говоритъ: „они (рѣчь идетъ о нѣкоторыхъ изъ числа епископовъ) ищутъ прибыли, приношеній и корысти, за которыми и ранѣе (до принятія сана) ненасытно гонялись; они жаждутъ и нынѣ пресыщеній и пиршествъ, этимъ весьма ясно показываютъ, что они служатъ не благочестію, а своему чреву и любостяжанію съ постыдною жадностію" [2]). Примѣры пастырей, не отличавшихся нравственными достоинствами, можно находить въ это время и въ другихъ мѣстахъ. Оригенъ, житель по преимуществу Александріи, безъ сомнѣнія имѣя въ виду нѣкоторыхъ египетскихъ епископовъ и прочій клиръ, говоритъ много непохвальнаго о духовенствѣ своего времени. Онъ находитъ, что церковь была осквернена, какъ осквернѣнъ былъ храмъ іерусалимскій во времена Христа,—куплею и продажею. Оригенъ усматриваетъ въ духовенствѣ влеченіе къ мірскимъ интересамъ и любовь къ наживѣ. Этотъ писатель говоритъ: „если Христосъ справедливо оплакивалъ Іерусалимъ, то тѣмъ понятнѣе, что Онъ плачетъ о церкви, которая, вмѣсто дома молитвы, превратилась въ разбойничью пещеру вслѣдствіе жадности и роскоши нѣкоторыхъ христіанъ, къ числу которыхъ, къ сожалѣнію, принадлежатъ и главы народа Божія". Оригенъ призываетъ Христа снова придти и бичемъ своего гнѣва очистить христіанскую цер-

---

[1]) Св. Кипріана. Творенія его въ русск. перев. Томъ 2 (Книга „О падшихъ"), стр. 151. Кіевъ, 1891.

[2]) Тамъ же. Томъ 1 (письмо 45), стр. 244. Кіевъ, 1891.

ковь отъ торжниковъ [1]). Онъ жалуется на развитіе деспотизма въ церкви, ибо епископы перестали быть рабами Христовыми, а сдѣлались въ церкви какъ бы господами. Они забыли заповѣди Христа о снисхожденіи ко всѣмъ, о кротости, съ какою они должны научать противляющихся, о томъ, что они должны поддерживать и ободрять слабыхъ. Далѣе, разбирая изреченіе: „ѣстъ и піетъ съ пьяницами", онъ пользуется этимъ случаемъ, чтобы обличить духовенство его времени. Онъ говоритъ, что тѣ, кому поручены попеченія о насыщеніи алчущихъ — пастыри — сами пиршествуютъ съ пьяницами и позволяютъ себѣ другое подобное. Оригенъ угрожаетъ такимъ лицамъ страшнымъ судомъ и геенной [2]). Тотъ же Оригенъ обличаетъ діаконовъ своего времени за то, что они принимая участіе въ управленіи церковными сокровищами, пользуются этими послѣдними для личной выгоды: въ видахъ собственнаго обогащенія, они отдавали церковныя деньги на проценты, превращаясь въ ростовщиковъ [3]). Историкъ Евсевій съ своей стороны дѣлаетъ самый нелестный отзывъ о всѣхъ епископахъ конца III вѣка. Характеризуя это время, онъ говоритъ: „мнимые наши пастыри, презрѣвъ законъ христіанскій, воспламенились взаимными распрями, умножали только одно—раздоры и угрозы, зависть, вражду одинъ противъ другаго и ненависть, и сильно домогались первенства, желая обладать безграниченною властію. Впрочемъ не наше дѣло, замѣчаетъ онъ, передавать потомству память о несогласіи пастырей между собою и о постыдныхъ ихъ поступкахъ" [4]).—Теперь вопросъ: отчего зависѣла такая порча нравовъ въ духовенствѣ III вѣка? Оставляя до времени болѣе обстоятельныя разъясненія (объ этомъ будетъ рѣчь ниже), въ настоящій разъ лишь замѣтимъ, что главною причиною было то, что въ третьемъ вѣкѣ пастырское служеніе уже перестаетъ быть призваніемъ, а до извѣстной степени дѣлается выгодною профессіею.....

Частный, но замѣчательный примѣръ испорченности ду-

---

[1]) Origenis. In Matth. homil. 16. Edit. Huet. Oper. III, 750. 753.

[2]) Origenis. In Matth. 61. 62. De la Rue. Vol. III, p. 878. 880.

[3]) Helle. Das kirchliche Vermögen bis auf Constantin Gr. S. 48. Paderborn. 1878.

[4]) Церк. исторія, кн. VIII, гл. 1—2.

ховенства III вѣка представляетъ извѣстный Павелъ Самосатскій, епископъ богатой Антіохіи, судимый и осужденный соборомъ епископовъ около 270 года. Окружное посланіе этого собора, сохраненное Евсевіемъ, не находитъ достаточно словъ, чтобы описать всѣ его продерзости. Такъ окружное посланіе въ рѣзкихъ выраженіяхъ описываетъ гордость, кичливость и пышность Павла. „Онъ высокомудрствовалъ, говоритъ посланіе, и превозносился, облекаясь въ мірскія отличія; съ какою гордостію окруженный спереди и сзади множествомъ копьеносцевъ, ходилъ онъ по общественнымъ площадямъ“ [1]). Извѣстно, что Павелъ принялъ на себя въ Антіохіи свѣтскую должность „дуценарія прокуратора“; какъ видно, эта должность до такой степени надмевала Павла, что онъ вовсе забылъ, что будучи епископомъ, онъ долженъ быть украшенъ достоинствами скромности и кротости. Посланіе указываетъ, что самыя церковныя собранія Павелъ превращалъ во что-то въ родѣ театра. Онъ, по словамъ посланія, устроилъ себѣ въ церкви каѳедру и высокій престолъ, ударялъ себя рукою по бедру, конечно, когда говорилъ проповѣдь, и топалъ ногами на каѳедрѣ, порицалъ тѣхъ, кто не махали ему платками, какъ на зрѣлищахъ, не вскрикивали и не вскакивали“. Какъ открывается изъ этихъ словъ, Павелъ на богослужебныхъ собраніяхъ держалъ себя не соотвѣтственно своему назначенію, хотя есть основанія полагать, что онъ былъ искуснымъ проповѣдникомъ. Въ посланіи есть также указанія на такія преступленія Павла, которыя съ перваго взгляда представляются непонятными; и только вглядываясь въ тогдашнее состояніе церкви, мы можемъ уяснить себѣ, въ чемъ тутъ дѣло. Такъ здѣсь говорится: „бывъ сперва бѣднымъ, не получивъ никакого имѣнія отъ предковъ и не пріобрѣтши его какимъ либо ремесломъ или занятіемъ, нынѣ онъ сдѣлался чрезмѣрно богатъ, посредствомъ противозаконныхъ дѣйствій, святотатства и того, что вынуждалъ отъ братій насиліемъ и угрозами; изгонялъ, говорится далѣе, съ безчестіемъ обиженныхъ или, обѣщая помощь имъ, потомъ обманывалъ ихъ, такъ что истцы оставались безъ выгоды, слѣдовательно—замѣчаетъ посланіе—онъ считалъ вѣру за промыселъ“. Ясно, что здѣсь

---

[1]) Церк. исторія, кн. VII, гл. 30.

идетъ рѣчь о какомъ то судѣ, которымъ злоупотреблялъ Павелъ, дѣлая изъ него источникъ корыстолюбивыхъ пріобрѣтеній; видно, что судъ, о которомъ говоритъ посланіе, имѣлъ характеръ религіозный, потому что въ документѣ замѣчается: Павелъ „вѣру обратилъ въ промыселъ". Какой же это судъ разумѣется здѣсь? Для разъясненія этого вопроса мы должны войти въ нѣкоторыя подробности касательно правъ, какими въ эпоху гоненій епископы пользовались въ отношеніи къ вѣрующимъ; говоримъ о правахъ епископовъ судить мірянъ въ случаѣ взаимныхъ тяжбъ между послѣдними. Христіане, послѣдуя заповѣди апостола Павла (1 Кор. 6, 1—6) избѣгать судовъ языческихъ, дѣйствительно избѣгали ихъ, тѣмъ болѣе, что въ этихъ судахъ преобладало насиліе надъ совѣстію христіанъ: ихъ заставляли здѣсь приносить языческія жертвы, требуемыя римской юрисдикціей. Вслѣдствіе этого епископы сдѣлались естественными судьями христіанъ по ихъ дѣламъ тяжебнымъ. Апостольскія Постановленія въ подробности знакомятъ насъ съ этимъ третейскимъ или мировымъ судомъ древней церкви. Отсюда узнаемъ, что между христіанами утвердился обычай обращаться къ своимъ епископамъ, какъ къ старѣйшинамъ и представителямъ въ извѣстномъ мѣстѣ,—обращаться для разрѣшенія своихъ споровъ, исковъ и тяжбъ, такъ что судъ епископскій являлся обыкновеннымъ для всѣхъ болѣе важныхъ случаевъ [1]); дѣла менѣе важныя рѣшались пресвитерами и діаконами. Днемъ судебныхъ засѣданій назначенъ былъ второй день недѣли (понедѣльникъ) [2]), чтобы въ случаѣ безуспѣшности примиренія тяжущихся сторонъ въ этотъ день, оставалось достаточно времени для окончанія тяжбы до наступленія воскреснаго дня, въ который долженъ царствовать миръ и не должно быть мѣста несогласію.—Въ дикастеріи или судебномъ помѣщеніи засѣдалъ епископъ, а также пресвитеры и діаконы, въ качествѣ его помощниковъ. Тяжущіяся стороны являлись предъ судомъ лично, согласно предписанію древняго іудейскаго закона; процессъ былъ состязательный и устный. Судья, епископъ, обязанъ былъ выслушать обѣ стороны, безъ чего приговоръ не могъ состояться. При обвине-

---

[1]) Кн. II, гл. 44—45.

[2]) Тамъ же, гл. 47.

ніяхъ изслѣдовались степень довѣрія и доброе имя обвинителя въ обществѣ христіанъ. Но одни нравственныя качества истца, какъ бы они высоки ни были, не принимались за достаточное доказательство жалобы; нужно было представить двухъ или трехъ достовѣрныхъ свидѣтелей. Отъ этихъ свидѣтелей требовалось, чтобы они исполняли свой долгъ безъ гнѣва, скромно и прилично, со страхомъ отвѣтственности предъ Богомъ. Ложные обвинители и клеветники сейчасъ же подвергались наказанію. Язычники не допускались быть свидѣтелями на судѣ епископскомъ. Замѣтить еще должно, что прежде осужденія изслѣдовалась жизнь и репутація обвиняемаго. Послѣ всѣхъ этихъ предварительныхъ дѣйствій на судѣ, еще до произнесенія приговора, употреблялось посредничество для примиренія сторонъ. Эти обязанности исполняли обыкновенно пресвитеры и діаконы. Въ случаѣ безуспѣшности этого посредничества, епископъ постановлялъ приговоръ, который былъ произносимъ во имя Христа, какъ Верховнаго Судіи [1]). Такимъ-то судомъ епископы судили мірянъ во II и III вѣкѣ. Этому суду подлежало почти рѣшительно все: и прежде всего гражданскіе иски, затѣмъ публичные и общественные проступки, какъ напр. убійство, святотатство и пр. Правила Апостольскія знакомятъ насъ съ тѣми наказаніями, какія налагались на виновныхъ въ томъ или другомъ преступленіи [2]).—Этимъ-то судомъ, о которомъ мы говорили, и злоупотреблялъ Павелъ Самосатскій. Онъ выгонялъ съ позоромъ изъ дикастеріи, кто не давалъ ему денегъ, взятки; за деньги оправдывалъ виновныхъ и не оказывалъ справедливости потерпѣвшимъ и невиннымъ.

Есть еще другое преступленіе, въ которомъ обвиняется Павелъ Самосатскій и которое безъ комментарія остается тоже неяснымъ. Вотъ это обвиненіе, о которомъ читаемъ въ томъ же посланіи: „мы знаемъ, что епископъ и все духовенство должны служить образцами для народа во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ; но не безъизвѣстно намъ, сколь многіе, введши къ себѣ женщинъ, пали или подверглись подозрѣнію. Поэтому, пусть онъ (Павелъ) и не позволялъ себѣ

---

[1]) Апостольск. Постановл., кн. II, 47—53.

[2]) Тамъ же, гл. 47. Прав. Апостольск. 66, 67, 72, 84.

ничего непристойнаго, все же надлежало ему бояться происходящаго отсюда подозрѣнія, чтобы кого нибудь не соблазнить или не увлечь къ подражанію. Ибо какъ будешь на мѣстѣ Павла выговаривать и внушать другому, чтобы онъ былъ остороженъ въ обращеніи съ женщиною, да не погибнетъ по Писанію, когда одну уже отпустивъ, имѣешь—рѣчь обращена къ Павлу — еще двухъ цвѣтущихъ и благообразныхъ и влачишь ихъ съ собою, куда ни пойдешь, пируя и пресыщаясь съ ними". (Евсев. VII, 30). Вопросъ въ томъ, о чемъ здѣсь рѣчь: о прелюбодѣяніи ли Павла, или о чемъ другомъ? Если о прелюбодѣяніи, то почему такъ нерѣшительно и осторожно говоритъ соборное посланіе? Чтобы понять сущность дѣла, нужно взять во вниманіе особый обычай, возникшій и существовавшій въ древней церкви. Въ древней церкви весьма рано появились представители аскетической жизни; они отправлялись отъ того положенія, что церковь есть тѣло Христово и слѣдовательно члены церкви должны отличаться высшей чистотой, и потому чуждались брака.—Такія воззрѣнія встрѣчались еще въ концѣ I-го вѣка. Такъ возникли аскеты. Но они не остановились на безбрачіи, какъ позднѣйшіе монахи, а хотѣли разыгрывать роль людей высшаго безстрастія. Для этого они брали къ себѣ на житье лицъ женскаго пола и аскетическаго направленія, проводили время вмѣстѣ съ этими послѣдними, желая тѣмъ для себя и для другихъ доказать, что ихъ воля настолько крѣпка и неудобопреклонна ко грѣху, что сожитіе съ лицами другаго пола для нихъ неопасно [1]). Такое сожитіе аскеты называли *духовнымъ бракомъ*. Другіе изъ аскетовъ брали къ себѣ на житье лицъ другаго пола подъ предлогомъ болѣе простымъ и, повидимому, невиннымъ: они говорили, что ихъ домашнія дѣла не могутъ идти правильно безъ женскаго присмотра и заводили себѣ, какъ они выра-

---

[1]) „Мы хотимъ побѣдить діавола и собственныя влеченія", надменно разсуждали эти аскеты (изъ одного арабскаго церковнаго правила). Въ объясненіе этого явленія могутъ сказать и говорятъ: „сильныя религіозныя движенія заставляютъ забывать ограниченность человѣческой природы и играть опасностями, предъ которыми въ другихъ случаяхъ обыкновенно отступаютъ. Считали дѣломъ несомнѣннымъ, что каждый христіанинъ въ состояніи побѣдить міръ и его страсти".... Achelis. Virgines subintroductae. Ein Beitrag zu 1 Kor. VII Kapit. S. 57. 74. Leipzig, 1902.

жались, *супругъ по духу*. Замѣчательно, извѣстный Тертулліанъ нисколько не порицаетъ этого сейчасъ указаннаго обыкновенія. „Бери себѣ духовную супругу“—говоритъ онъ, но прибавляетъ: „пусть это будетъ лучше вдова, которой красота въ вѣрѣ, приданое въ бѣдности и родовитость въ возрастѣ“. Другими словами: это должна быть вдова пожилая. „Вотъ прекрасный (духовный) бракъ“, восклицаетъ Тертулліанъ; „такихъ женъ можно имѣть даже нѣсколько, замѣчаетъ Тертулліанъ, и сіе пріятно Богу“ [1]). Такъ разсуждалъ карѳагенскій учитель. Но бѣда въ томъ, что аскеты старались брать себѣ подругъ не постарѣе, а помоложе, и не чуждались того, чтобы имѣть нѣсколько такихъ подругъ. Такія лица женскаго пола имѣли различныя наименованія, ихъ называли: *γυναῖκες συνείσακτοι* [2]), (т. е. женщины сводныя) по-латыни — subintroductae, а также *ἀγαπηταί, ἀδελφαί*, или sorores; самихъ мужчинъ, сожительствующихъ такъ, чаще всего называли: *ἄνδρες συνείσακτοι*. Указанный обычай встрѣчался и среди еретиковъ, напр. Валентиніанъ, и среди церкви.—Разсмотримъ, въ чемъ выражалось сожитіе аскетовъ съ ихъ духовными подругами — субинтродуктами и къ какимъ слѣдствіямъ вело.

Одинъ изъ раннихъ примѣровъ близкихъ отношеній лицъ аскетическаго направленія, обоего пола, приводится въ извѣстной книгѣ Эрма, „Пастырь“, написанной около средины II вѣка. Въ этой книгѣ, въ отдѣленіи „Подобія“, ведется аллегорическій разсказъ о построеніи таинственной башни, въ какомъ дѣлѣ, по разсказу памятника, участвовали пастырь, далѣе самъ Эрмъ и дѣвы. Однажды, такъ разсказываетъ авторъ, по окончаніи нѣкоторыхъ работъ въ башнѣ, пастырь сталъ уходить, Эрмъ—тоже было хотѣлъ уйти съ нимъ. Но пастырь сказалъ ему: „не уходи, подожди, пока я приду“. Эрмъ на это сказалъ: „господинъ, что я буду здѣсь одинъ дѣлать“. „Ты не одинъ“, отвѣчалъ онъ, „всѣ дѣвы съ тобою“. „Господинъ, сказалъ Эрмъ, передай имъ меня“. И онъ позвалъ ихъ и сказалъ: „поручаю вамъ его, пока приду“.

---

[1]) Tertulliani. De exhort. cast., cap. 12.

[2]) Наименованіе это имѣетъ постыдный смыслъ; таковымъ хотѣли бичевать двусмысленность явленія. Оно стало извѣстно со временъ Павла Самосатскаго и придумано антіохійцами, всегда отличавшимися ядовитостью языка. (Achelis. Virgines subintroductae, S. 11. 69).

Итакъ, я остался одинъ съ тѣми дѣвами, и онѣ были веселы и ласковы со мною, особенно четыре, красивѣйшія изъ нихъ. „Что-же я буду дѣлать“, сказалъ я себѣ. „Буду дожидаться пастыря до вечера, и если онъ не придетъ, пойду домой“. Дѣвы отвѣчали мнѣ: „ты намъ препорученъ и не можешь уйти отъ насъ“. Я сказалъ: „гдѣ же я останусь“? „Съ нами, говорятъ онѣ, будешь спать, какъ братъ, а не какъ мужъ, ибо ты братъ нашъ, и послѣ мы будемъ жить съ тобою, потому что очень тебя полюбили“. Мнѣ же стыдно было оставаться съ ними, говоритъ про себя Эрмъ. Но та, которая изъ нихъ казалась первою, обняла меня и начала цѣловать. И другія, увидѣвши, что она обняла меня, сами начали цѣловать меня и играть со мною. Нѣкоторыя изъ нихъ пѣли и водили хороводы. А я молча, но радостно ходилъ съ ними, и казалось мнѣ, что я помолодѣлъ. Наступилъ вечеръ, и я хотѣлъ уйти домой, но онѣ удержали меня. Итакъ, я пробылъ съ ними эту ночь около башни. Онѣ разослали на землю свои туники и помѣстили меня въ серединкѣ. Наступилъ слѣдующій день. Пришелъ опять пастырь и говоритъ дѣвамъ: „вы не сдѣлали ему никакой обиды“? (признаюсь, вопросъ нѣсколько неожиданный). Онѣ же сказали въ отвѣтъ: „спроси его самого“. „Господинъ, сказалъ Эрмъ, я получилъ великое удовольствіе отъ того, что остался съ ними“ [1]). Вотъ болѣе ранній примѣръ идиллическаго обращенія аскета съ дѣвами. Очевидно здѣсь начертанъ образецъ, какъ должны жить аскеты съ дѣвами, которыя находились съ ними въ духовномъ бракѣ. Но само по себѣ понятно, что идиллія не долго удержалась, и ее смѣнило нѣчто другое. Сказанный обычай привился въ церкви, и конечно не могъ вести ни къ чему хорошему: „огнемъ не шутятъ“. Уже во времена Тертулліана встрѣчались случаи прискорбные, рекомендующіе съ дурной стороны разсматриваемый обычай. Латинскій писатель кратокъ въ своихъ извѣстіяхъ; онъ ограничивается замѣчаніемъ: „легко наши братія принимаютъ къ себѣ дѣвъ, и эти дѣвы не только сами падаютъ, но и вовлекаютъ другихъ въ грѣхи. Впрочемъ, онѣ не сознаются въ этомъ, если плачъ собственныхъ ихъ дѣтей

---

[1]) Подобіе (Simil.), IX, гл. 10—11.

не выдаетъ ихъ“ [1]). Больше подробностей находимъ въ другихъ древнѣйшихъ памятникахъ, напримѣръ, въ памятникѣ (письма), подъ заглавіемъ: De Virginitate и въ сочиненіяхъ св. Кипріана.

Сочиненіе De Virginitate прежде приписывалось Клименту Римскому, но теперь считается произведеніемъ неизвѣстнаго автора, появившимся между временами Тертулліана и Кипріана вообще въ III-мъ вѣкѣ. Въ этомъ произведеніи говорится: „нѣкоторые, лишенные стыда, люди, подъ предлогомъ благочестія живутъ вмѣстѣ съ дѣвами и подвергаютъ себя опасности; или же на-единѣ съ ними ходятъ по дорогамъ и уединеннымъ мѣстамъ, избирая для себя стезю, переполненную опасностей, искушеній, ловушекъ и рытвинъ. Иные изъ такихъ мужчинъ ѣдятъ и пьютъ съ дѣвами на ложахъ,—т. е. на такихъ ложахъ, на которыхъ помѣщались въ древности для обѣда,—ѣдятъ и пьютъ такъ съ дѣвами и дѣвственницами, посвященными Богу, разрѣшая себѣ все, начиная отъ позволительной шаловливости до великаго безобразія. Всего этого, говоритъ въ заключеніе памятникъ, не должно быть среди вѣрующихъ и меньше всего между аскетами, избравшими дѣвственную жизнь“ [2]). Ясное дѣло, что по свидѣтельству этого памятника, сожитіе аскетовъ съ субъинтродуктами начинаетъ принимать весьма зазорный характеръ. Еще большими скандалами сопровождалось подобное сожитіе по извѣстіямъ Кипріана Карѳагенскаго. Читая творенія Кипріана, приходишь въ истинное изумленіе: какъ, неужели это онъ говоритъ о христіанскихъ аскетахъ? Неужели до этого могли доходить посвятившія себя Богу дѣвственницы, которыя считали себя невѣстами Христовыми? Но послушаемъ, что говоритъ Кипріанъ. „Узнали мы, что дѣвы, рѣшившіяся ненарушимо хранить свое цѣломудріе, позволяютъ себѣ не только жить въ одномъ домѣ съ мужчинами (аскетами), но и спать вмѣстѣ съ ними на одной и той же постелѣ, и не довольствуясь этимъ, лежа на одной постелѣ, они ведутъ интимныя бесѣды, цѣлуются, обнимаются. О гнусный, отвратительный ихъ сонъ“! [3]) восклицаетъ св.

[1]) Tertulliani. De virg. veland., cap. 14.

[2]) De virg. I, 10 (Cf. Harnack. Die Lehre der 12 Apostel. S, 130. Leipz., 1884).

[3]) Творенія св. Кипріана, Т. I (письмо къ Помпонію), стр. 104 — 105.

отецъ. Кипріанъ разражается громкими неумолчными упреками противъ такого позорнаго сожительства аскетовъ съ субъинтродуктами. Карѳагенскій пастырь прежде всего констатируетъ фактъ, что дѣло не ограничивалось у нихъ простымъ совозлежаніемъ и поцѣлуями.... нѣтъ, дѣло доходило дальше. Но предоставимъ слово Кипріану: „и какъ тяжко падаютъ отъ того многіе, какъ много дѣвъ, къ величайшему прискорбію нашему, мы видимъ сдѣлавшимися преступными отъ такихъ соблазнительныхъ и пагубныхъ связей“ [1]). Послѣ этого понятно, что Кипріанъ не находитъ достаточно словъ, чтобы заклеймить позоромъ указанное преступленіе. „Если не хотятъ и не могутъ хранить цѣломудрія, говоритъ онъ, то лучше пусть вступаютъ въ бракъ, чѣмъ заслуживать адскій огонь своимъ преступленіемъ. Еслибы мужъ нечаянно засталъ жену свою на ложѣ съ другимъ, то не воспылалъ ли бы онъ чувствомъ гнѣва и въ пылу ревности не взялся ли бы даже за мечъ? Что-же? Не болѣе ли прогнѣвается и Христосъ, нашъ Судія, когда дѣву, посвятившую себя Ему, увидитъ на одномъ ложѣ съ другимъ“? [2]) Кипріанъ отдалъ слѣдующее приказаніе: „воспретить дѣвамъ жить въ одномъ домѣ съ мужчинами (аскетами), и не только вмѣстѣ спать, но и жить вмѣстѣ“. Приказаніе это всполошило аскетовъ и сожительствующихъ съ ними дѣвъ — и особенно послѣднихъ. Дѣвы, въ чувствѣ негодованія на подозрительность святителя, заявляли, что онѣ не заслуживаютъ преслѣдованія, что онѣ хранятъ себя невинными. И наконецъ, объявляли: если епископъ не вѣритъ имъ, то онѣ готовы подвергнуться освидѣтельствованію со стороны акушерокъ. Кипріанъ однако не смущался такимъ горячимъ протестомъ субъинтродуктъ. Согласно желанію подозрѣваемыхъ дѣвъ, Кипріанъ приказалъ акушеркамъ произвести медицинское освидѣтельствованіе карѳагенскихъ дѣвственницъ [3]). Ничего не извѣстно о результатѣ этого акушерскаго осмотра; а извѣстно однакожъ, что Карѳагенскій архипастырь не слишкомъ-то довѣрялъ медицинскимъ позна-

---

Этотъ Помпоній былъ епископомъ одного города, подчиненнаго власти Карѳагенскаго іерарха.

[1]) Тамъ же, стр. 105.

[2]) Тамъ же, стр. 105—106.

[3]) Тамъ же, 106.

ніямъ акушерокъ. Онъ говорилъ: „пусть никто изъ дѣвъ не говоритъ, что ее легко можетъ освидѣтельствовать акушерка и удостовѣрить ея невинность. Развѣ глазъ и рука акушерки не могутъ ошибаться?—замѣчаетъ онъ. Да если-бы и найдено было, прибавляетъ онъ, что дѣва осталась неоруганна въ отношеніи къ той части ея тѣла, по которой она считается женщиной, то вѣдь, можетъ быть, она запятнала грѣхомъ другую часть тѣла, которая хотя и сохранилась въ цѣлости, но однакожъ это запятнаніе остается не примѣтнымъ для глаза“ (что хочетъ выразить этимъ Кипріанъ—сказать не умѣю) [1]). Вообще Кипріанъ сталъ зорко смотрѣть за жизнію и поведеніемъ дѣвственницъ. Разсматриваемый обычай тѣмъ болѣе озабочивалъ Кипріана, что и лица почетныя въ церкви, каковы, наприм., исповѣдники и даже лица духовныя, обзавелись субъинтродуктами. Говоримъ: и лица духовныя. Для ясности нашей рѣчи нужно помнить, что не только епископовъ, но и священниковъ и діаконовъ — женатыхъ въ то время было очень мало. Безженство преобладало. Вообще духовенство тогда относилось къ разряду аскетовъ. Что касается интересующаго насъ вопроса, то при одномъ случаѣ Кипріанъ такъ говоритъ объ исповѣдникахъ: „исповѣдники, ставшіе преимущественнымъ храмомъ Божіимъ, много сквернятъ себя постыднымъ совозлежаніемъ съ женщинами, имѣя общія съ ними постели“ [2]). Повторяемъ: во времена Кипріана и лица духовныя заводили себѣ духовныхъ подругъ; это извѣстно о нѣкоторыхъ карѳагенскихъ священникахъ и въ особенности діаконахъ, которыхъ строго обличаетъ Кипріанъ [3]). Тотъ же Кипріанъ налагаетъ разнаго рода церковныя наказанія на дѣвъ, соглашавшихся на подобное сожитіе. Но можно думать, что прещенія Кипріана имѣли только относительный успѣхъ, какъ это можно заключать изъ того, что иногда онъ упоминаетъ о лицахъ упорныхъ, не слушающихся его распоряженій въ разсматриваемомъ родѣ [4]).—Само собою понятно,

---

[1]) Въ томъ же письмѣ св. Кипріана къ Помпонію, но только это мѣсто почему-то опущено въ русскомъ переводѣ и замѣнено многоточіемъ.

[2]) Творен. Т. I, (письмо къ Рогаціону и прочимъ исповѣдникамъ) стр. 170—171.

[3]) Т. I, стр. 104. 106.

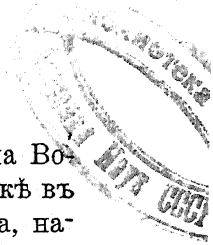
[4]) Св. Кипріана. Т. I, стр. 107.

зачѣмъ мы вели эту не краткую рѣчь о субъинтродуктахъ и ихъ сожителяхъ. Затѣмъ, чтобы дать знать, что тѣ цвѣтущія и благообразныя дѣвы, съ которыми жилъ Павелъ Самосатскій, съ которыми онъ пиршествовалъ и о которыхъ говоритъ соборное посланіе Антіохійское, суть именно субъинтродукты, появленіе которыхъ относится ко временамъ довольно отдаленнымъ отъ эпохи Павла Самосатскаго. Въ разсматриваемомъ посланіи эти дѣвы прямо и названы: *γυναῖκες συνείσακτοι* или по-латыни—subintroductae. Посланіе потому не слишкомъ строго относится за это къ Павлу [1]), что вѣроятно на Востокѣ, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ этотъ послѣдній, обычай былъ очень распространенъ и притомъ нѣкоторыми считался за обычай достойный уваженія. Что на христіанскомъ Востокѣ во времена Павла не было недостатка въ аскетахъ, проживавшихъ вмѣстѣ съ субъинтродуктами, это доказать не трудно. По крайней мѣрѣ исторія встрѣчаетъ это явленіе въ III вѣкѣ въ Египтѣ. Изъ числа послѣдователей ученія Оригена выдѣлилась между прочимъ секта Іеракитовъ, названныхъ такъ по имени ея основателя Іерака. Іеракиты, повидимому, всѣ поголовно имѣли субъинтродуктъ. Епифаній Кипрскій говоритъ: „совершенно смѣшны Іеракиты тѣмъ, что каждый изъ нихъ имѣетъ женщину для сожительства (субъинтродукту), а между тѣмъ обыкновенно старается доказать, что будто имѣетъ ихъ для завѣдыванія хозяйствомъ“ [2]).

Чтобы впослѣдствіи не возвращаться къ вопросу о субъинтродуктахъ, сообщимъ свѣдѣнія о томъ, какъ шло дѣло это въ позднѣйшія времена — причемъ будемъ имѣть въ виду главнымъ образомъ отношеніе клира къ обычаю содержать субъинтродуктъ. Субъинтродуктъ, стоявшихъ въ свя-

[1]) Посланіе говоритъ: „пусть онъ (Павелъ) и не позволялъ себѣ ничего непристойнаго“ въ данномъ отношеніи. До извѣстной степени сдержанно относится къ виновнымъ и самъ Кипріанъ; онъ говоритъ: „въ настоящемъ случаѣ нѣкоторые изъ братьевъ нашихъ будутъ огорчены нами“ (Т. I, 108). Нужно вообще помнить, что нравы въ древности были проще, и на многое смотрѣли снисходительнѣе, чѣмъ впослѣдствіи. Наприм., въ III вѣкѣ общественныя бани были общими для лицъ обоего пола; и св. Кипріанъ, запрещая посѣщать ихъ христіанскимъ дѣвственницамъ, не налагаетъ подобнаго же запрещенія на христіанскихъ женщинъ (Кипріана. Творенія. Т. II, 141—Книга объ одеждѣ дѣвственницъ). Кіевъ, 1891.

[2]) Творенія Епифанія въ рус. пер. Т. IV („Ересь“ 48 (68), стр. 90.

зяхъ съ клириками, въ IV вѣкѣ встрѣчаемъ, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ. Итакъ, что видимъ на Востокѣ въ IV вѣкѣ? Первое извѣстіе, касающееся нашего вопроса, находимъ въ правилахъ Анкирскаго собора 314 года. Здѣсь въ 19-омъ правилѣ читаемъ: „сходиться дѣвамъ съ кѣмъ либо, какъ съ братьями, мы воспрещаемъ". Еще важнѣе и содержательнѣе третье правило I-го вселенскаго собора. Здѣсь читаемъ: „великій соборъ рѣшительно опредѣлилъ, чтобы ни епископу, ни пресвитеру, ни діакону и вообще никому изъ состоящихъ въ клирѣ не дозволялось имѣть въ домѣ сожительствующую женщину (по гречески *συνείσακτον*), исключая развѣ такихъ лицъ, которыя свободны отъ всякаго подозрѣнія (напр. мать, сестра). Поступающія вопреки этому правилу подвергаются опасности лишенія сана". Въ правилѣ рѣчь идетъ исключительно о лицахъ духовнаго званія: у отцевъ собора, очевидно, были достаточныя основанія постановить это строгое опредѣленіе. Есть и у писателей церковныхъ IV вѣка указанія на существованіе въ это время на Востокѣ обычая совмѣстнаго сожительства мужчинъ аскетическаго направленія съ духовными подругами. Объ этомъ находимъ свидѣтельства у Епифанія Кипрскаго, Григорія Богослова и Григорія Нисскаго. По словамъ перваго, въ его время какіе-то оригенисты, опираясь на какія-то апокрифическія книги и въ особенности на „дѣянія" Андрея, и сожительствуя съ субъинтродуктами, „обвиняли въ томъ же и лицъ, принадлежавшихъ къ церкви, которые имѣютъ возлюбленныхъ, такъ называемыхъ синисактъ" [1]). Обстоятельнѣе о томъ же явленіи говоритъ Григорій Богословъ. Обращая свои рѣчи противъ мужчинъ-сожителей, онъ пишетъ: „какъ ты, хотя еще молодъ и плоть у тебя шире, чѣмъ у слона, при всемъ этомъ покоишь себя, какъ человѣкъ, достигшій чистоты и духовно возлюбившій свою возлюбленную? Не безопасенъ огонь возлѣ соломы. Не безопасно и тебѣ подъ однимъ съ собою кровомъ держать жену-дѣвственницу. Положимъ, что надежда будущихъ благъ разлучила между собою мужчину и женщину, но природа скрываетъ въ себѣ еще тайный недугъ. Этихъ, какъ ихъ называютъ, сожительствующихъ, не знаю, куда и причислить? Признать ли, что они сопряжены

[1]). Творенія его. Томъ III, стр. 75 („Ересь" 43 (63), гл. 2).

бракомъ, или назвать безбрачными, или оставить для нихъ какую-то средину"? Св. отецъ называетъ ихъ сожительство „безбрачнымъ бракомъ" (ἄγαμος γάμος) и продолжаетъ: „что же полагаешь, подумаютъ о тебѣ живущіе нечисто? Ты чистъ, ты чище золота (по твоимъ словамъ); однако-же мнѣ больно видѣть, что тѣломъ и очами преданъ ты своей возлюбленной. Какъ трудно при плотскомъ сближеніи избѣжать плотскихъ возстаній! Скажу вотъ что: изчезните вы, язва для христіанъ, изчезните вы, старающіеся прикрыть неистовое влеченіе естества! Прочь отъ меня тотъ, кто беретъ къ себѣ въ домъ для жительства дѣву, (мнимую) собесѣдницу безплотныхъ ангеловъ" [1]). Остается привести свидѣтельство Григорія Нисскаго. „Мы знали такихъ, говоритъ онъ, кои заботясь о безбрачіи только по имени, ни въ чемъ не отличаются отъ ведущихъ жизнь брачную; не только доставляютъ удовольствіе своему чреву, но даже открыто живутъ вмѣстѣ съ женщинами, именуя это сожительство братствомъ, чтобы подъ этимъ честнымъ именемъ скрыть свою склонность къ худому" [2]). На Западѣ въ IV вѣкѣ историкъ встрѣчаетъ тоже явленіе. Вотъ доказательства. Одинъ изъ соборовъ Карѳагенскихъ средины IV вѣка запрещаетъ духовнымъ особамъ, вдовцамъ и другимъ мужчинамъ проводить совмѣстную жизнь съ монахинями, вдовами и другими лицами женскаго пола. Рѣчь идетъ о разсматриваемомъ нами обычаѣ [3]). Приведемъ еще тираду изъ анонимнаго латинскаго сочиненія, относимаго ко второй половинѣ IV вѣка, подъ заглавіемъ: De singularitate clericorum, т. е. „О жизни одинокихъ клириковъ". Ясно, что сочиненіе говоритъ о духовенствѣ. Здѣсь любовь (caritas), какъ олицетворенное существо, разсуждаетъ объ истинной и неистинной любви, и возглашаетъ: „подъ предлогомъ любви, прикрываясь этимъ благимъ именемъ, совершаютъ явное безобразіе; у нѣкоторыхъ ложная любовь позоритъ любовь истинную. Но истинная любовь вопіетъ противъ такого извращенія. „Я, говоритъ о себѣ истинная любовь,—я не соединяла таковыхъ; есть дру-

---

[1]) Творенія его. Т. V, стр. 110—113. М. 1847.

[2]) Творенія Григ. Нисскаго, въ рус. пер. Т. VII, стр. 388 („О дѣвствѣ", гл. 23).

[3]) Hefele. Conciliengeschichte. Band. I. S. 633 Freiburg, 1873.

гая, фальшивая любовь, которая только поддѣлывается подъ мой образъ. Никогда я не противлюсь заповѣдямъ Божіимъ, я не желаю, чтобы чрезъ меня позорилась святость. На меня взводитъ клевету извращенная любовь.—Среди лицемѣрныхъ братій я подвергаюсь опасностямъ. Они, т. е. лицемѣрные братія, говорятъ, что ихъ любовь—тоже любовь. Нѣтъ, эта любовь ненавистная! Нѣтъ, это — такая любовь, которая хочетъ хвалиться срамомъ. Дивное дѣло, эта любовь заставляетъ, чтобы дѣвъ считали какъ бы супругами и въ тоже время уважали ихъ, какъ бы они были дѣвственницами“ [1]).— Въ жизни и нравахъ аскетовъ и клириковъ, имѣвшихъ субъинтродуктъ, въ IV в. произошли нѣкоторыя измѣненія въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, которыя показываютъ, что разсматриваемый обычай, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше извращался. Клирики и аскеты, имѣя сожительницами дѣвъ (субъинтродуктъ), въ свое оправданіе приводили въ высшей степени кощунственное объясненіе. Они говорили, что они поступаютъ по одному евангельскому примѣру, именно, что будто бы они въ этомъ случаѣ подражаютъ примѣру Іоанна Богослова, который по приказанію распятаго Іисуса принялъ Его Богоматерь—Дѣву—въ свой домъ [2]). Вотъ замѣчательный образчикъ софистики порока! Жизнь нѣкоторыхъ изъ этихъ сожительствующихъ представляла собой какую-то клоаку. Епифаній Кипрскій описываетъ какихъ-то оригенистовъ, процвѣтавшихъ въ его время и имѣвшихъ сожительство съ субъинтродуктами. Сознаемся, что описаніе Епифанія приличнѣе было бы изучать психіатру, чѣмъ историку. Вотъ нѣсколько чертъ изъ повѣствованія Епифанія: „нѣкоторые еретики называются оригени-

---

[1]) *Heinichen.* Commentarii in Eusebii historiam, p. 719. Lipsiae, 1870.— Авторъ сочиненія: De singul. clericorum, принимая на себя борьбу съ разсматриваемымъ нами сожитіемъ мужчинъ съ дѣвственницами, прибѣгаетъ для достиженія цѣли къ очень различнымъ средствамъ — и къ увѣщанію, и къ угрозамъ, и къ просьбамъ, и къ приказаніямъ. Изъ этого сочиненія видно, что съ субъинтродуктами жили и клирики, и аскеты-міряне. Авторъ, сообразно обстоятельствамъ времени, направляетъ свою рѣчь противъ клириковъ, ибо въ это время въ особенности заботились о томъ, чтобы по крайней мѣрѣ хоть духовныхъ лицъ устранить отъ непригляднаго сожительства. Обстоятельный анализъ сочиненія: De sing. cleric. у *Achelis'*а. S. 36—42.

[2]) Св. Епифанія. Творенія. Т. V, стр. 251 („Ересь“ 58 (78), гл. 10).

стами. Они оскверняютъ развратомъ и тѣло свое, и умъ, и душу, они не знаютъ границъ въ сладострастіи. Нѣкоторые изъ нихъ по виду монашествующіе, а живущія съ ними женщины на видъ будто монахини. Тѣло у нихъ истощенное. Удовлетворяя своей похоти, выражусь скромнѣе, говоритъ писатель, они совершаютъ дѣло сына Іудина Авнана. Ибо какъ онъ, когда тѣломъ соприкасался Ѳамари и удовлетворялъ похоти, не дѣлалъ надлежащаго для произведенія потомства, но совершалъ грѣхъ противъ самого себя; такъ и они, сожительствующіе съ дѣвами, пользуются мнимыми женами, совершая это незаконное дѣло. Они заботятся о томъ, чтобы женщина отъ растлѣнія не сдѣлалась беременною, (вотъ послѣдователи такъ называемаго полумалтузіанизма въ IV вѣкѣ!) или чтобы ихъ не уличили люди; они хотятъ быть въ чести за подвигъ цѣломудрія,—и однакожъ—вотъ что дѣлаютъ". Епифаній далѣе намекаетъ, что нѣчто подобное совершалось не у однихъ еретиковъ-оригенистовъ, но и среди церковнаго братства. Онъ продолжаетъ: оригенисты „часто хвалились тѣмъ, что они не таятся съ своими дѣяніями, между тѣмъ обвиняютъ тѣхъ изъ принадлежащихъ къ церкви, которые имѣютъ возлюбленныхъ, такъ называемыхъ синисактъ, обвиняютъ за то, что будто и они совершаютъ это-же, но тайно, стыдясь людей, такъ какъ желали украшаться честнымъ именемъ". [1])—Приведемъ нѣкоторые отдѣльные примѣры лицъ сожительствовавшихъ въ IV вѣкѣ съ субъинтродуктами; примѣры эти, конечно, заимствуемъ изъ исторіи духовенства. Ѳеодоритъ разсказывая исторію аріанскаго епископа антіохійскаго Леонтія, говоритъ, что будучи священникомъ, онъ держалъ у себя молодую женщину Евстолію въ качествѣ субъинтродукты. И когда ему запрещали держать ее у себя, то Леонтій, не желая разставаться съ ней, взялъ оскопился и все-таки продолжалъ жить подъ одной кровлей съ Евстолією [2]). Другой примѣръ представляетъ собою какой-то пресвитеръ, къ которому Василій Великій написалъ посланіе, получившее значеніе каноническое. Василій Великій узналъ отъ подвѣдомаго ему хорепископа, что одинъ пресвитеръ, Григорій, живетъ вмѣ-

---

[1]) Епифанія. Т. Ш, стр. 73—75 („Ересь", 43, гл. 1).

[2]) Церковн. исторія, кн. П, гл. 24.

стѣ съ женщиной на правахъ подвизающихся въ дѣвствѣ. Онъ сильно обличаетъ этого пресвитера и пишетъ ему: „если кто представляя себя дѣвственникомъ по имени, на дѣлѣ такъ же живетъ, какъ и живущіе съ женами, тотъ показываетъ собой, что домогается достоинства дѣвства въ имени, но безобразія сладострастія не оставилъ“. Святитель приказалъ Григорію отпустить женщину, а въ прислугу себѣ взять мужчину. Василій грозилъ преступнику: если онъ не исправится и будетъ продолжать священнодѣйствовать, то будетъ преданъ анаѳемѣ предъ всѣмъ народомъ. Требованіе Василія повергло пресвитера въ большую печаль. Онъ писалъ длинное письмо Василію, въ которомъ жаловался на хорепископа, обвиняя его въ доносѣ по злобѣ, не щадилъ даже Василія, указывая, что онъ открываетъ слухъ для ябеды. Очевидно Григорію не хотѣлось разставаться съ своею возлюбленною (ἀγαπητή) [1]. Чѣмъ кончилось дѣло—неизвѣстно. Но самый соблазнительный примѣръ въ подобномъ родѣ указываетъ опять-таки Епифаній. Разсказавъ объ оригенистахъ, осквернявшихъ себя съ женщинами грѣхомъ Авнана, онъ пишетъ затѣмъ: „въ числѣ таковыхъ выставляли на видъ имя одного епископа извѣстнаго исповѣдничествомъ, довольно лѣтъ проходившаго епископскую должность въ одномъ городкѣ Палестины“. Епифаній не зналъ, какъ относиться къ этому слуху; совокупность же обстоятельствъ, „побуждала его, по его словамъ, то вѣрить, то не вѣрить дурной молвѣ о преждеупомянутомъ старцѣ — епископѣ“ [2].— При ознакомленіи съ фактами этого своеобразнаго аскетизма, невольно приходитъ на мысль изреченіе: гони природу въ дверь, она войдетъ въ окно!

Зло къ концу IV вѣка настолько усилилось, что лучшіе пастыри церкви вынуждены были выступить съ грознымъ публичнымъ проповѣдническимъ словомъ противъ нравственнаго растлѣнія,—растлѣнія, прикрывавшагося именемъ подвижничества. Разумѣемъ Іоанна Златоуста, который вынужденъ былъ произнести двѣ длинныхъ и суровыхъ проповѣди въ Константинополѣ противъ живущихъ съ сводными женщинами и противъ этихъ женщинъ [3].

---

[1]) 88 правило Василія Велик. (Посланіе къ Григорію пресвитеру).

[2]) Творенія. Т. Ш, стр. 75 (Ересь. 43).

[3]) Древніе расходятся во мнѣніяхъ о томъ, гдѣ произнесены эти про-

Полагаютъ, что эти проповѣди имѣютъ въ виду константинопольское духовенство. Дѣйствительно, содержаніе этихъ проповѣдей показываетъ, что по-преимуществу обличенія направлялись противъ лицъ духовныхъ [1]). Это, конечно, предполагаетъ, что лица духовныя того времени были большею частію холостыми, но такъ это и дѣйствительно было въ болѣе древнія времена церкви. Поводомъ къ указанному сближенію во времена Златоуста дѣвы выставляли то, что не имѣя отца или брата, онѣ нуждаются въ покровителѣ, почему и живутъ съ какимъ либо мужчиной [2]). Мужчина, съ своей стороны, оправдывалъ себя тѣмъ, что онъ желалъ бы приносить кому нибудь пользу и помощь, почему и выбираетъ для этого слабую женщину, и ради трудовъ своихъ ждетъ награды на небесахъ. [3]) Дѣвы, вступившія въ сожитіе съ мужчинами, часто были лицами состоятельными, и тогда на долю мужчины выпадала задача смотрѣть за имуществомъ, надзирать за домомъ, за прислугой [4]),—вообще вести всѣ дѣла. Дѣвы, сожительствующія съ мужчинами, если онѣ были бѣдны, наблюдали за бюджетомъ мужчинъ, шили одежду, постилали постель, накрывали на столъ, зажигали свѣчу, омывали имъ ноги и доставляли прочія удобства [5]). Мужчины были очень предупредительны къ своимъ духовнымъ подругамъ. Если онѣ, подруги, приходили въ церковь, то ихъ духовные братья со всѣхъ ногъ бросались имъ на встрѣчу,

---

повѣди—въ Константинополѣ или въ Антіохіи. Въ пользу перваго мнѣнія высказывается Палладій, біографъ Златоуста, а въ пользу втораго—историкъ Сократъ. Изъ новѣйшихъ писателей раздѣляютъ мнѣніе Палладія Филаретъ Черниговскій и проф. Лопухинъ, написавшій жизнь Златоуста въ качествѣ введенія къ новому изданію твореній этого отца въ русскомъ переводѣ. Мнѣніе это заслуживаетъ предпочтенія, ибо невѣроятно, чтобы Златоустъ позволилъ себѣ произнести такія рѣзкія поученія въ Антіохіи, гдѣ онъ былъ лишь пресвитеромъ...

[1]) Въ этомъ впрочемъ почти никто и не сомнѣвается. (Наприм., Альцогъ, Тьерри, Лопухинъ и др.).

[2]) Твор. Св. Златоуста въ рус. переводѣ („Слово къ жившимъ вмѣстѣ съ дѣвственницами“ и: „Слово къ дѣвственницамъ, жившимъ вмѣстѣ съ мужчинами“). Томъ I, стр. 254. СПб. 1895. (Эти „слова“ Achelis, вѣроятно въ виду ихъ рѣзкаго тона, считаетъ не проповѣдями, а посланіями (S. 52).

[3]) Тамъ же, стр. 278.

[4]) Тамъ же, стр. 260 и друг.

[5]) Тамъ же, 261.

подобно евнухамъ расталкивали для нихъ толпу народа въ храмѣ; въ церкви, даже въ самые знаменательные моменты богослуженія, старались всячески угождать имъ, оказывая имъ множество мелкихъ услугъ [1]). Обыкновенно мужчины выбирали себѣ подругъ молодыхъ и красивыхъ [2]). Это само собой условливало множество приключеній самого интимнаго свойства. Оставаясь дома съ глаза на глазъ сожители позволяли себѣ поцѣлуи и объятія [3]); проводили время въ пріятной болтовнѣ, въ веселомъ смѣхѣ, обмѣнивались разнаго рода нѣжностями [4]). Если ночью имъ почему-либо не спалось, они опять сходились вмѣстѣ, „но не для всенощныхъ бдѣній“, замѣчаетъ Златоустъ, а для того, чтобы понѣжничать другъ съ другомъ въ постелѣ и поболтать. Если дѣва вдругъ дѣлалась больна, мужчина ухаживалъ за ней съ предупредительностію подруги и не стыдился въ этомъ случаѣ исполнять для нея всякую службу, болѣе приличную служанкамъ [5]). Кажется случалось, что такіе сожители, нисколько не стѣсняясь, жили въ одной комнатѣ вмѣстѣ [6]). Въ сердцахъ сожительствующихъ нерѣдко зажигалось пламя ревности, какъ бы они были мужемъ и женой или нѣжновлюбленными [7]). Кто нибудь взглянетъ на подругу его, и тотчасъ чело сожителя хмурится, злоба закрадывается въ его сердце [8]). Въ обществѣ ходили различные худые слухи касательно такихъ сожительствующихъ; мужчинъ такого рода называли сластолюбцами, льстецами, женскими угодниками [9]); а дѣвъ, говоритъ Златоустъ, называли „не сестрою“ сожителя и „не супругою“, а именемъ, которое проповѣдникъ считалъ не приличнымъ повторять. Многіе въ обществѣ осуждали такое сожительство хуже прямого прелюбодѣянія [10]). Самъ Златоустъ позволяетъ себѣ слѣдующій рѣзкій отзывъ

---

[1]) Тамъ же, 262.
[2]) Тамъ же, 258.
[3]) Тамъ же, 248.
[4]) Тамъ же, 249.
[5]) Тамъ же, 287.
[6]) Тамъ же, 261.
[7]) Тамъ же, 288.
[8]) Тамъ же, 263.
[9]) Тамъ же, 255.
[10]) Тамъ же, 275.

о мужчинахъ разбираемаго сорта: „ужъ если выбирать изъ двухъ золъ, говорилъ онъ про нихъ, то я предпочитаю такимъ клирикамъ, какъ эти, сводней открытаго разврата. Эти несчастные лишены врачеванія, пагубное ремесло осуждаетъ ихъ на погибель, но клирики, о которыхъ говоримъ, пребываютъ у самаго источника душевнаго здравія, а между тѣмъ не только живутъ въ мерзости разврата, но и посѣваютъ его среди добрыхъ“[1]). Въ видахъ устраненія неблагопріятныхъ слуховъ о нихъ, дѣвы приказывали ежедневно приходить къ себѣ повивальнымъ бабкамъ, чтобы свидѣтельствовать ихъ и удостовѣрять, что онѣ остаются не растлѣнными. Чуть ли не было это какимъ нибудь церковнымъ правиломъ. Не всѣ однако же соглашались на такой позорный осмотръ: однѣ соглашались, а другія рѣшительно—нѣтъ. Златоустъ замѣчаетъ, что иногда случалось, что такія дѣвы становились однако матерями [2]). По свидѣтельству Златоуста въ средѣ сожительствующихъ распространенъ былъ довольно странный обычай, по которому женщина не принимала на-единѣ у себя другихъ женщинъ, а мужчина—постороннихъ мужчинъ [3]).—Такъ было на Востокѣ, въ Константинополѣ, тоже было въ концѣ IV вѣка на Западѣ, въ Римѣ. Объ этомъ находимъ свидѣтельство у Іеронима. Этотъ церковный учитель, изобличая различные безпорядки въ римскомъ клирѣ, между прочимъ вооружается и противъ сожитія съ субъинтродуктами. Онъ называетъ это явленіе „язвой церкви“, дѣвственницъ подобнаго рода „женами безъ брака“. „Пребываютъ мужчина и женщина въ одномъ домѣ, пишетъ Іеронимъ, въ одной спальнѣ, часто на одной постелѣ“. Предлогомъ такого сожительства поставлялось „духовное утѣшеніе“ [4]).

Церковь, какъ мы видѣли, принимала мѣры въ борьбѣ съ этимъ зломъ [5]), но проходитъ не мало времени, прежде чѣмъ

---

[1]) Тьерри. Св. Іоаннъ Златоустъ и импер. Евдоксія. Перев. съ франц. Стр. 28 (Изъ Палладія). Моск., 1884.

[2]) Твор. его. Тамъ же, стр. 271.

[3]) Тамъ же, 288.

[4]) Творенія блаж. Іеронима въ русск. переводѣ. Т. I. (Письма), стр. 112—113. (Письмо къ Евстохіи).

[5]) Приблизительно до конца VI в. явленіе встрѣчалось повсюду. Achelis говоритъ: „едва ли найдешь хоть одну церковную область, гдѣ не

оно было искоренено. На Востокѣ зло встрѣчалось даже въ VI вѣкѣ. Существуетъ одна новелла Юстиніана, которою, подобно третьему правилу I всел. собора, воспрещалось холостымъ и вдовымъ священникамъ, діаконамъ и уподіаконамъ держать у себя въ домѣ подозрительныхъ женщинъ [1]). Нужно полагать, что новелла имѣла свой raison d'être. На Западѣ сожитіе съ субъинтродуктами встрѣчаемъ даже въ IX вѣкѣ [2]). Къ искорененію этого обычая на Востокѣ послужило то, что ввелось въ обыкновеніе, чтобы клирики вступали въ бракъ еще до посвященія въ духовный санъ. А на Западѣ обычай держать субъинтродуктъ перешелъ въ простой конкубинатъ.

Оканчивая нашу слишкомъ затянувшуюся рѣчь, вызванную анализомъ опредѣленія собора Антіохійскаго III-го вѣка по поводу Павла Самосатскаго и его нравственнаго характера, мы должны замѣтить еще, что соборное опредѣленіе, осуждающее Павла Самосатскаго за различныя преступленія и заблужденія, даетъ знать, что и подчиненное ему духовенство въ антіохійскомъ округѣ, вело жизнь далеко не безукоризненную [3]). Значитъ клиръ антіохійской церкви во 2-ой половинѣ III-го вѣка былъ довольно сильно деморализованъ.

было бы синисактизма. Его встрѣчаемъ въ Сиріи, Палестинѣ, Египтѣ, Константинополѣ, Фригіи, Персіи; а также въ Римѣ, въ Африкѣ, Галліи, Испаніи, даже въ Ирландіи. Это было—обыкновеніе, замѣчаетъ авторъ, которое составляло отличительную особенность древней церкви" (Achelis. Virgines subintroductae. S. 59—60. Leipz. 1902). Но только нужно помнить, что не клирики его ввели, и далеко не одни лица духовныя были въ немъ повинны.

[1]) Heinichen. Commentarii, p. 719 (Novella CXXIII, Cap. 23).

[2]) Hefele. Conciliengeschichte. B. III, 747. Freib., 1877.

[3]) Соборное посланіе упоминая о субъинтродуктахъ епископа антіохійскаго Павла, затѣмъ добавляетъ о его пресвитерахъ и діаконахъ, что „Павелъ помогалъ имъ скрывать и этотъ (сожитіе съ дѣвственницами) и другіе смертные грѣхи". Евсев. VII, 30.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Идеалъ пастырскаго служенія на Востокѣ и Западѣ.—Восточный идеалъ, начертанный Іоанномъ Златоустомъ и Григоріемъ Богословомъ, его возвышенность и многосторонность, вообще привлекательность; Западный идеалъ, его черты, его свойства—внѣшность, мелочность и излишняя аскетичность.—Общія свидѣтельства о нравственномъ состояніи духовенства цвѣтущаго времени въ жизни церкви. Подробное изображеніе нравственнаго состоянія восточнаго духовенства за IV вѣкъ Григоріемъ Богосл. и другими писателями; подробное же изображеніе того же состоянія Западнаго духовенства за IV вѣкъ бл. Іеронимомъ и другими латинскими писателями.—Изображеніе нравственнаго состоянія духовенства за V вѣкъ, въ особенности константинопольскаго, малоазійскаго, египетскаго и сирійскаго, главнымъ образомъ по разнымъ соборнымъ актамъ;—примѣръ нравственнаго состоянія духовенства тогоже вѣка въ одной захолустной церкви (по письмамъ св. Исидора Пелусіота).—Общія замѣчанія о нравственномъ состояніи духовныхъ лицъ, жившихъ или одиночками, или коммунарно (въ конвиктахъ).—Причины невысокаго нравственнаго состоянія духовенства: пастырство перестаетъ быть призваніемъ, а начинаетъ быть средствомъ къ жизни,—сужденія Златоуста о причинахъ нравственнаго упадка духовенства и разборъ ихъ,—невнимательный выборъ лицъ на служеніе церкви, отчего это зависило,—упадокъ уваженія въ обществѣ по отношенію къ пастырямъ, въ чемъ оно выражалось, его печальныя послѣдствія,—вредное вліяніе испорченной византійской атмосферы,—мнѣніе о неблагопріятномъ вліяніи латинскихъ школъ на воспитаніе нравственнаго характера восточнаго духовенства, замѣчанія по поводу этого мнѣнія.—Краткое описаніе нравственнаго состоянія духовенства отъ VI по VIII вѣкъ, на Западѣ (свидѣтельства Григорія Вел. и нѣкоторыхъ западныхъ соборовъ), а также и на Востокѣ (свидѣтельства соборовъ и Ѳеофановой лѣтописи, суровый отзывъ одного писателя средины VIII вѣка).

Переходимъ къ очерку нравственно-общественной жизни пастырей церкви отъ IV-го до IX вѣка.—Церковныя правила,

нужно сказать, не начертали для своего времени опредѣленнаго идеала пастыря церкви. Эти правила выражали свои требованія въ слишкомъ общихъ чертахъ. Наприм., Василій Великій въ одномъ своемъ каноническомъ посланіи говоритъ: „по обычаю, издревле водворившемуся въ церквахъ, служители церкви пріемлются по испытаніи со всею строгостію, и все поведеніе ихъ прилежно изслѣдуется: не злорѣчивы ли они,—не піяницы ли,—не склонны ли къ ссорамъ,—учились ли въ юности, дабы могли совершать святыню. Василій поручаетъ испытаніе будущихъ клириковъ конвикту, въ которомъ сообща жили пресвитеры, діаконы и кандидаты на священническія и церковныя должности [1]). Но понятно такія замѣчанія о достоинствахъ пастыря недостаточно рисуютъ идеалъ пастыря, какъ понимали его въ церкви съ IV вѣка. Однакожъ мы не лишены возможности ознакомиться съ этимъ идеаломъ.

Лучшіе изъ церковныхъ писателей этого времени носили въ своей душѣ самый опредѣленный и при томъ большею частію высокій идеалъ пастыря церкви и отпечатлѣвали этотъ идеалъ въ своихъ сочиненіяхъ. Познакомимся же прежде съ этимъ идеаломъ, а потомъ посмотримъ, каковыми были пастыри въ дѣйствительности.

Для восточной церкви идеалъ нравственно-общественнаго служенія пастыря начертанъ въ сочиненіи Златоуста: „Слова о священствѣ“ и отчасти въ твореніяхъ Григорія Богослова. Вотъ требованія, какія предъявляетъ Златоустъ въ отношеніи къ нравственной жизни пастыря. „Такъ какъ священнослуженіе совершается на землѣ, но по чиноположенію небесному, то совершитель этого служенія долженъ быть настолько чистъ, что какъ бы онъ стоялъ на небѣ посреди небесныхъ силъ“ [2]). Обязанность священника требуетъ отъ него „ангельскаго совершенства“, почему „священникъ долженъ имѣть душу чище самыхъ лучей солнечныхъ“ [3]). По замѣчанію Григорія Богослова пастыри должны быть „небесны“. [4]) Что же требуется отъ пастыря церкви при испол-

---

[1]) Василія Вел. прав. 89 (Къ хорепископамъ каноническое посланіе).
[2]) Творенія св. Златоуста. Т. I, стр. 416 (Слово III, гл. 4) Петерб., 1895.
[3]) Тамъ же, стр. 460 (Сл. VI, гл. 1—2).
[4]) Творенія Григорія Бог. Томъ I, стр. 60. Моск. 1843.

неніи имъ своего назначенія? Священникъ долженъ весь обратиться во вниманіе касательно себя и своего поведенія.

„Священнику, говоритъ Златоустъ, надлежитъ быть дальновидну, смотрѣть тысячею глазъ, потому что онъ живетъ не для себя одного, а для такого множества людей“ [1]). Подчиненные, разъясняетъ Златоустъ, обыкновенно смотрятъ на поведеніе высшихъ, какъ на образецъ для себя и стараются во всемъ подражать имъ. Невозможно, невозможно священнику скрыть свои слабости. Малѣйшіе его недостатки немедленно дѣлаются извѣстны. Почему душа священника должна по всѣмъ направленіямъ блистать красотою, дабы души взирающихъ могли заимствовать отъ него свѣтъ“ [2]). Далѣе, — Златоустъ разъясняетъ, что обязанности священника настолько разносторонни, что онъ долженъ состоять какъ бы изъ самыхъ крайнихъ противоположностей. „Онъ долженъ быть важенъ и негордъ; суровъ и благосклоненъ; властенъ и вмѣстѣ общителенъ; безпристрастенъ и услужливъ; смиренъ и нечеловѣкоугодникъ; строгъ и милостивъ [3]). Онъ долженъ знать все житейское и долженъ быть отрѣшенъ отъ всего. Такъ какъ ему приходится обращаться съ мущинами, которые имѣютъ женъ, воспитываютъ дѣтей, распоряжаются слугами, обладаютъ богатствомъ, отправляютъ общественныя должности, то онъ долженъ быть *разнокачественъ*, — разнокачественъ, говорю — прибавляетъ Златоустъ—но не лукавъ, не льстецъ, не лицемѣръ, долженъ имѣть полную свободу и смѣлость“ [4]). Въ томъ же родѣ разсуждаетъ и Григорій Богословъ. Онъ говоритъ: „какія нужны свѣдѣнія, чтобы (духовно) врачевать другихъ, чтобы исправлять образъ жизни и персть покарять духу; ибо не одинаковы понятія и стремленія у мущины и женщины, у старости и юности, у нищеты и богатства, у начальниковъ и подчиненныхъ. Не легко имѣть надъ ними смотрѣніе. Однихъ назидаетъ слово, другіе исправляются примѣромъ. Для иныхъ нуженъ бичъ, а для другихъ узда, ибо одни лѣнивы и неудобоподвижны къ добру и такихъ нужно возбуждать; другіе сверхъ мѣры горячи духомъ и неудержимы

[1]) Творен. его, тамъ же, стр. 424 (Сл. III, гл. 12).
[2]) Тамъ же, стр. 426 (Сл. III, гл. 14).
[3]) Тамъ же, стр. 431 (Сл. III, гл. 16).
[4]) Тамъ же, стр. 463 (Сл. VI, гл. 4).

въ стремленіяхъ, подобно молодымъ, сильнымъ конямъ, бѣгущимъ далѣе цѣли, такихъ нужно обуздывать. Иногда нужно гнѣваться, не гнѣваясь, выражать презрѣніе, не презирая, терять надежду, не отчаяваясь, сколько этого требуетъ свойство каждаго; другихъ нужно врачевать кротостію, смиреніемъ и выраженіемъ участія къ нимъ" [1]). Вообще замѣчаетъ Григорій „управлять человѣкомъ, этимъ хитрымъ и измѣнчивымъ животнымъ, есть искусство изъ искусствъ, наука изъ наукъ" [2]).

Весьма любопытны разсужденія Златоуста по вопросу: какіе пастыри болѣе полезны на своемъ мѣстѣ — люди ли аскетическаго направленія—монахи, которые нерѣдко во времена Златоуста ставились во священники и въ особенности въ епископы,—или же люди, прошедшіе житейскую школу, знакомые съ обществомъ и его интересами и потребностями? Златоустъ признаетъ людей аскетическаго воспитанія, вообще монаховъ, малоспособными и не очень годными для должности пастыря. „Знаю, пишетъ Златоустъ въ „словахъ о священствѣ", многихъ мужей, всю жизнь свою проведшихъ въ постоянной строгости, изнурившихъ себя непрерывнымъ постомъ: пока они оставались въ уединеніи и пеклись только о себѣ, они были угодны Богу. Но когда вышедши изъ своего уединенія, они встрѣтились лицемъ къ лицу съ народомъ и имъ предстоялъ подвигъ просвѣщать невѣжество людей, (т. е. когда они сдѣлались пастырями, главнымъ образомъ—епископами), тогда одни изъ нихъ съ перваго же раза оказались неспособными къ такому дѣлу, а другіе—хотя по нуждѣ и оставались на мѣстѣ, но перемѣнили прежнія правила жизни, и тѣмъ причинивъ немалый вредъ себѣ, не принесли никакой пользы другимъ. Говорю это, замѣчаетъ Златоустъ, не съ тѣмъ, чтобы монашескій ликъ вовсе былъ устраненъ отъ достоинства предстоятельства, (ибо случалось, что и изъ числа монашествующихъ достигали славы на этой должности), но стараюсь доказать, что одно благочестіе само по себѣ не дѣлаетъ никого достойнымъ священства" [3]). Нужно еще знаніе жизни

---

[1]) Творен. его Т. I, стр. 33—35.

[2]) Тамъ же, стр. 26.

[3]) Тамъ же, стр. 428—429. (Сл. Ш, гл. 15).

общественной, жизни мірской, чего нѣтъ у монаховъ. Вотъ какъ самъ Златоустъ объясняетъ причины, почему монахи оказывались въ его время неспособными пастырями: „кто привыкъ наслаждаться бездѣятельностію и не знать почти никакихъ попеченій, тотъ хотя бы имѣлъ великія способности, но полная неопытность его въ трудахъ священства необходимо заставитъ его смущаться, тѣмъ болѣе, что недостатокъ въ упражненіи уже отнялъ у него большую часть способностей. По этой-то причинѣ весьма немногіе съ монашескаго подвижничества переходятъ на подвигъ священства, пишетъ Златоустъ. Да и тѣ большею частію обнаруживаютъ свою неопытность, падаютъ духомъ и встрѣчаютъ случаи весьма непріятные и затруднительные. И это нисколько неудивительно, такъ какъ монахъ, — вступая на новое поприще, продолжаетъ Златоустъ, — встрѣчается съ подвигами другаго рода, а не съ тѣми, въ какихъ онъ доселѣ упражнялся. Выходящій на поприще священства въ особенности долженъ презирать славу, преодолѣвать гнѣвъ, быть исполненъ великаго благоразумія. Но посвятившему себя иноческой жизни не представляется никакого повода къ упражненію въ этомъ. И потому, когда они берутся за подвиги священническіе, въ которыхъ ни сколько не подготовлялись, то недоумѣваютъ, затрудняются, приходятъ въ такое состояніе, что сами не знаютъ, что дѣлать. Многіе изъ нихъ, кромѣ того, что не пріумножаютъ добродѣтели, теряютъ и то, что принесли съ собою“ [1]). „Тотъ, кто живя уединенно и обращаясь съ немногими, не научился удерживать гнѣва, но скоро воспламенялся,—когда получитъ въ управленіе народъ, становится подобенъ звѣрю, отовсюду и всѣми уловляемому: и самъ никогда не можетъ быть спокоенъ, и ввѣренныхъ ему подвергаетъ безчисленнымъ бѣдствіямъ“ [2]). Златоустъ необинуясь находитъ, что подвигъ священства выше, труднѣе, многознаменательнѣе подвига монашескаго. Отъ пастыря церкви требуется гораздо больше, чѣмъ отъ монаха. Златоустъ разсуждаетъ: „если живущіе въ пустынѣ, вдали отъ города, торжища и соединеннаго съ этимъ шума, т. е. монахи — и тѣ не хотятъ полагаться на

---

[1]) Тамъ же, стр. 465—466. (Сл. VI, гл. 7).
[2]) Тамъ же, стр. 425 (Сл. Ш, гл. 13).

безопасность своей жизни, но употребляютъ многія предосторожности—всячески ограждаютъ себя, стараются слѣдить за каждымъ своимъ шагомъ, то священникъ какую долженъ имѣть силу и твердость, дабы сохранить душу свою отъ всякой нечистоты и соблюдать себя неповрежденнымъ? Онъ имѣетъ нужду въ большей чистотѣ, нежели пустынники. И однакожъ кому нужна большая чистота, тому предстоитъ гораздо больше случаевъ къ соблазну. Бо̀льшимъ и опаснѣйшимъ искушеніямъ необходимо долженъ подвергаться тотъ, кто обращается среди всякихъ людей. Напротивъ возлюбившій пустыню, свободенъ отъ всего этого. Хотя помыслъ и представитъ ему что-либо нечистое, но это представленіе легко можетъ быть изглажено, потому что ничто внѣшнее не поддерживаетъ его. Монахъ боится только за себя самого. Если же онъ долженъ заботиться и о другихъ, то весьма немногихъ. А хотя бы такихъ было и достаточно, то, во-первыхъ, ихъ число все-же менѣе, чѣмъ сколько поручается священнику, во-вторыхъ, попеченіе о нихъ легко и удобно: всѣ они живутъ вмѣстѣ, такъ что малѣйшій ихъ проступокъ сейчасъ же видѣнъ, жизнь ихъ немногосложна, у нихъ нѣтъ ни женъ, ни дѣтей, ни другихъ предметовъ заботъ“ [1]). „Великъ трудъ монаховъ, великъ ихъ подвигъ; но если кто сравнитъ труды монашескіе съ трудами должности священнической, хорошо исправляемой, тотъ найдетъ великое между ними различіе, такое же, какое существуетъ между мужикомъ и царемъ. У монаховъ — продолжаетъ Златоустъ—большая часть подвиговъ совершается силами тѣлесными: если тѣло не будетъ крѣпко, то ревность только и остается ревностію, а выразиться на дѣлѣ не можетъ: усиленный постъ, жёсткая постель, неумытость, трудъ до пота, другія изнуренія тѣлесныя—все это оставляется, если ослабѣло тѣло. Но отъ священниковъ требуется чистое искусство души: здоровье и крѣпкое тѣло для священника — дѣло второстепенное. Ибо, можетъ ли сила тѣлесная сколько-нибудь содѣйствовать тому, чтобы не быть своенравнымъ, гнѣвливымъ, быть трезвеннымъ, цѣломудреннымъ, скромнымъ? Монахъ подобенъ акробату, который для своихъ успѣховъ нуждается въ вещахъ внѣшнихъ — канатахъ, коле-

---

[1]) Тамъ же, стр. 460—461 (Сл. VI, гл. 2—3).

сахъ, мечахъ, а священникъ подобенъ философу, все искусство котораго единственно заключается въ его душѣ". Сравнивая подвигъ монашества и священства, Златоустъ въ заключеніе говоритъ: „управляющій кормиломъ внутри пристани — т. е. монахъ, среди тишины и неразвлеченности — еще не доказываетъ хорошо своего искусства; но кто среди моря, во время бури, умѣетъ спасти корабль — разумѣется священникъ, того всякій назоветъ кормчимъ искуснымъ" [1]). Изъ этихъ разсужденій Златоуста о сравнительной трудности священства предъ монашествомъ, видно, что онъ отъ священника требовалъ высшей нравственной чистоты и совершенства, чѣмъ какія можно встрѣтить у отшельника и что служеніе священника нуждается совсѣмъ въ другихъ качествахъ, чѣмъ какія присущи монаху.

Въ то время какъ Златоустъ и отчасти Григорій Богословъ начертываютъ идеалъ пастыря для церкви восточной, Амвросій Медіоланскій, Григорій великій и отчасти Іеронимъ и соборы западные стараются указать такой же идеалъ для церкви западной. Идеалъ пастыря у западныхъ писателей во многомъ отличается отъ идеала, начертаннаго Златоустомъ: Златоустъ обращаетъ больше вниманія на внутреннія качества души и не даетъ никакихъ правилъ касательно регулированія внѣшняго поведенія; напротивъ западные писатели обращаютъ главное вниманіе на внѣшнія достоинства пастыря, а если и говорятъ о внутреннихъ качествахъ, то въ такомъ родѣ, что правила эти равно могутъ относиться: и къ пастырю и простому христіанину. По Златоусту, какъ знаемъ, пастырь долженъ быть весьма хорошо знакомъ со всѣмъ, что дѣлается въ мірѣ, съ его интересами и стремленіями, западные же писатели рекомендуютъ пастырямъ замкнутость, аскетизмъ. Выходитъ даже наоборотъ: что Златоустъ осуждаетъ, того самого требуютъ западные писатели. Идеалъ пастыря на востокѣ и западѣ очень не схожъ.— Амвросій Медіоланскій свои идеи о пастырствѣ изложилъ въ сочиненіи: „о должностяхъ священнослужителей" [2]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 463—464 (Сл. VI, гл. 5—6).

[2]) De officiis ministrorum. Идеалъ пастыря Амвросіемъ начертанъ сообразно стоическому идеалу, какъ этотъ послѣдній отразился въ сочиненіи Цицерона: De officiis, сочиненіи, имѣвшемъ большое вліяніе на указанное твореніе епископа Медіоланскаго. Въ частности по Буассье идеалъ

Амвросій здѣсь слишкомъ много обращаетъ вниманія на внѣшнія качества пастыря. Внѣшность, раскрываетъ онъ, есть какъ бы зеркало души. Поэтому онъ рекомендуетъ пастырю прежде всего имѣть приличныя тѣлодвиженія. Самъ о себѣ Амвросій замѣчаетъ, что онъ судилъ о человѣкѣ по манерамъ и будто не обманывался. Онъ разсказываетъ: „помните, какъ я одного пріятеля нашего, искавшаго у насъ мѣста, не смотря на все его желаніе занять при насъ должность, не принялъ я въ свой клиръ, потому только, что пріемы его тѣлодвиженій въ обращеніи и дѣйствіяхъ были непристойны; а другаго, котораго я засталъ въ нашемъ клирѣ, удалилъ отъ себя, приказавъ ему и на глаза не являться, по той именно причинѣ, что онъ своей неистовой походкой и неуклюжестію, какъ бичемъ поражалъ взоръ мой. И не обманулся я въ своемъ мнѣніи и распоряженіи о нихъ, ибо оба они впослѣдствіи отпали отъ церкви“, замѣчаетъ Амвросій [1]). Кромѣ вообще приличныхъ манеръ Амвросій предписываетъ пастырю извѣстнаго рода походку. Какого же рода должна быть походка у пастыря? „Скоро ходить я не считаю для него приличнымъ—говоритъ Амвросій,—развѣ когда этого требуетъ какая либо особая нужда, ибо поспѣшно идущій, запыхавшись, дѣлаетъ гримасы и вслѣдствіе утомленія и разсѣянности своей онъ обыкновенно спотыкается“. Амвросій не одобряетъ и тѣхъ, кто въ каждомъ шагѣ старается наблюдать особенную мѣру или тактъ, подобно актерамъ [2]). Блаж. Іеронимъ съ своей стороны до-

---

латинскаго священника будто бы напоминаетъ собой идеалъ римскаго жреца („Римская религія отъ Августа до Антониновъ“, русск. перев., стр. 288. Москва, 1878).

[1]) Изъ творенія св. Амвросія Медіоланскаго: De officiis ministrorum. Изданіе П. Поспѣлова. Стр. 7—8. Кіевъ, 1875.

[2]) Тамъ же, стр. 8 и 9. Правда изрѣдка подобнаго же рода предписанія встрѣчаемъ и у восточныхъ писателей. Наприм., по словамъ Ѳеодорита, епископу или пресвитеру слѣдуетъ быть „степеннымъ и въ выговорѣ (дикціи), и въ наружности, и во взглядѣ, и въ походкѣ“, но восточный писатель добавляетъ, „дабы и въ тѣлѣ было видно душевное цѣломудріе“, т. е. онъ придаетъ своимъ предписаніямъ исключительно нравственный характеръ (Н. Н. Глубоковскаго. Ѳеодоритъ, епис. Кирскій. Т. 1, 46. М. 1890). Да притомъ же восточные писатели не входятъ въ мелочныя подробности при указаніи внѣшнихъ требованій пастырскаго благоповеденія.

бавляетъ предписанія Амвросія еще наставленіемъ касательно одежды, какую должно носить клирикамъ. Онъ внушаетъ: „темныхъ одеждъ не носи, точно также какъ и свѣтлыхъ“ (спрашивается: какія же носить то?). Изысканности и неопрятности одинаково должно избѣгать, замѣчаетъ Іеронимъ: первое говоритъ о любви къ удовольствію, а второе— о тщеславіи. Похвально носить льняную одежду, но не обращать вниманія на ея цѣнность“. Онъ совѣтуетъ носить клирику въ карманѣ носовой платокъ, а „не хвастаться тѣмъ, что умѣешь обходиться и безъ этой принадлежности туалета“ [1]). Амвросій не считаетъ излишнимъ войти въ разсужденіе о томъ, какимъ голосомъ прилично говорить пастырю. „Голосъ его, говоритъ Амвросій, долженъ выражать собой образъ и силу мужества, свойственныя мущинѣ. Я какъ не одобряю излишней нѣжности и притворства въ голосѣ, такъ не рекомендую мужиковатости и грубости“ [2]). Амвросій дѣлаетъ предметомъ регламентаціи и молчаніе пастыря: когда должно давать мѣсто молчанію и когда нѣтъ. Замѣчательно еще слѣдующее мѣсто въ сочиненіи Амвросія „о должностяхъ“, изъ котораго видно, какъ далеко простирались заботы этого учителя пастырей о внѣшности священника. Онъ пишетъ: „въ Римѣ и другихъ мѣстахъ былъ обычай, что взрослыя дѣти и зятья не мылись въ банѣ вмѣстѣ съ своими родителями, дабы чрезъ это не уменьшилось уваженіе къ нимъ. Многіе и посторонніе, будучи въ банѣ, заботясь о цѣломудренной скромности, прикрывали нѣкоторыя части своего тѣла. А священники ветхозавѣтной церкви, по древнему обычаю, при богослуженіи всегда имѣли у себя „надряги, надряги льняны, для покровенія плоти ихъ, отъ бедръ даже до стегнъ“ (Исх. 28, 42—3). Говорятъ, замѣчаетъ Амвросій, что нѣкоторые и изъ нашихъ (священниковъ) наблюдаютъ это еще и по нынѣ“ [3]). Амвросій стоитъ на сторонѣ этого страннаго обычая. Касательно пастыря у Амвросія много предписаній чисто аскетическаго характера, какъ будто пастырь живетъ и дѣйствуетъ не въ мірѣ, а въ пус-

---

[1]) Творенія Іеронима въ русск. перев. Томъ II, стр. 66 (Письмо къ Непоціану—объ образѣ жизни клириковъ). Кіевъ, 1879.

[2]) Изъ творенія св. Амвросія: De officiis, стр. 14. Сн. 38.

[3]) Тамъ же, стр. 13.

тынѣ. Особенно онъ совѣтуетъ остерегаться женщинъ, какъ будто бы женщины не принадлежатъ къ пасомымъ наравнѣ съ мущинами. Онъ говоритъ: „въ домы вдовъ и дѣвъ молодымъ клирикамъ вовсе не слѣдуетъ входить, развѣ по особенной важности дѣла или по крайней необходимости посѣщенія, но и то не иначе какъ со старшими или съ епископомъ или съ другими пресвитерами“ [1]). Въ такомъ же родѣ предписаніе встрѣчаемъ у Іеронима и въ опредѣленіяхъ западныхъ соборовъ. Іеронимъ даетъ такіе совѣты: „не бывай часто подъ кровлею отроковицъ и дѣвственницъ; не надѣйся на свою прежнюю непорочность. Ты не святѣе Давида, не мудрѣе Соломона. Если по обязанности клирика ты посѣщаешь вдову или дѣвицу, то никогда не вступай въ домъ ея одинъ. Имѣй такихъ спутниковъ, общество которыхъ не было бы для тебя безславно. За тобою долженъ идти или чтецъ, или аколуѳъ, или псалмопѣвецъ. Не сиди одинъ съ одной втайнѣ, безъ свидѣтелей. Если нужно что-нибудь сказать по секрету, то пусть будетъ при этомъ нянька, старшая въ домѣ дѣва или замужняя“ [2]). Тотъ же Іеронимъ рекомендуетъ клирику въ случаѣ его болѣзни поручать, за неимѣніемъ матери или сестры, уходъ за собой или причетнику или какой нибудь старушкѣ [3]). Какія предосторожности! На западныхъ соборахъ Турскомъ V вѣка, и Орлеанскомъ въ VI в. опредѣлено, чтобы клирикъ не имѣлъ знакомства или обращенія съ посторонней женщиной [4]). Вообще, по Амвросію, клирику лучше всего сидѣть дома и заниматься богомысліемъ, а не тратить времени на посѣщеніе. „Вы ищете визитовъ для отдыха и пріятнаго препровожденія времени; почему же—замѣчаетъ Амвросій—свободное отъ церковныхъ занятій время не употреблять намъ на душеполезное чтеніе? Почему не побесѣдовать съ Христомъ (молитва)? Не послушать Христа (чтеніе Писанія)? Что намъ въ посѣщеніи чужихъ домовъ“ [5])? Правда, Амвросій не вовсе запрещаетъ пастырю посѣщать другихъ. Онъ позволяетъ посѣщать нѣкоторыхъ, но кого именно?

---

[1]) Тамъ же, стр. 36.

[2]) Творен. его. Т. II, стр. 61.

[3]) Тамъ же.

[4]) Hefele. Conciliengeschichte. B. II, 588. 775. Freib., 1875.

[5]) Изъ вышеуказаннаго творенія св. Амвросія, стр. 37.

„Лучше всего для насъ имѣть знакомство съ пожилыми и вообще съ людьми испытанныхъ нравовъ. Сколько обращеніе съ равными намъ по возрасту пріятнѣе, столько же со старшими безопаснѣе и полезнѣе, ибо при опытности старшихъ нравственность младшихъ украшается, какъ цвѣтами благовонными“ [1]). Амвросій и вообще внушаетъ пастырю отрѣшенность отъ всѣхъ благъ міра сего. Онъ говоритъ: „то, что у философовъ и въ обыкновенномъ житейскомъ быту считается благами жизни, какъ-то: мудрость (наука), богатство, удовольствія, радости, не знающія перерыва—все это наноситъ ущербъ истинному благу и счастію человѣка, привязываетъ его къ землѣ, отягчаетъ его суетными заботами и удаляетъ отъ Бога“ [2]). Западные авторитетные писатели не оставляютъ пастыря церкви безъ соотвѣтствующихъ внушеній и относительно пищи. Они рекомендовали пастырю довольствоваться растительной пищей и при этомъ говорили: никогда не должно священнику наѣдаться до сыта и въ особенности до пресыщенія, напротивъ ему надлежитъ стараться о томъ, чтобы нынче или завтра онъ могъ совсѣмъ забыть объ обѣдѣ, и по крайней мѣрѣ забывать объ ужинѣ. Это совѣтъ Іеронима [3]). Тотъ же западный учитель церкви предостерегаетъ пастыря отъ неумѣреннаго употребленія вина; онъ говоритъ: „помни: Лота побѣдилъ не Содомъ, а побѣдило вино“ [4]). Онъ указываетъ, чтобы неумѣренное употребленіе вина пастыремъ не заставило публику повторять слова одного философа: „съ нимъ поцѣловаться, все равно что вина хлебнуть“ [5]). Подобныхъ же аскетическихъ предписаній для пастыря много въ сочиненіи другаго западнаго писателя Григорія Великаго, именно въ его сочиненіи: „Правило Пастырское“. Григорій папа говоритъ: „всемѣрно должно стараться, чтобы въ пастыри и архипастыри поставляемы были, въ образецъ жизни, только такіе мужи, которые умерши для всѣхъ плотскихъ страстей, живутъ уже духомъ, которые отложили всякое попеченіе о мірскихъ благахъ, не страшатся никакихъ бѣдствій, помышляютъ только о бла-

[1]) Тамъ же, стр. 39.
[2]) Тамъ же, стр. 111.
[3]) Творен. его. Т. II, 135 (Письмо къ Павлину).
[4]) Тамъ же, стр. 247 (Письмо къ Океану).
[5]) Тамъ же, стр. 68 (Письмо къ Непоціану).

гахъ внутреннихъ. Имъ не противорѣчитъ уже ни тѣло ихъ подъ предлогомъ немощи, ни духъ не смущается оскорбленіями. Не помышляя о чужомъ добрѣ, они охотно раздаютъ свое собственное. Они всегда готовы отъ чистаго сердца и отъ души извинять и прощать ближняго, не снисходя впрочемъ преступленіямъ его до слабости. Они не позволяютъ себѣ ничего противозаконнаго, а противозаконныя дѣйствія другихъ оплакиваютъ, какъ свои собственные грѣхи. Они соболѣзнуютъ чужому несчастію“ и проч. [1]). Григорій рекомендуетъ пастырю больше всего заниматься созерцательными размышленіями [2]).—Этотъ идеалъ пастыря, начертанный Амвросіемъ и Григоріемъ, пополняютъ западные соборы, внося нѣкоторыя предписанія того же характера. Такъ соборъ Орлеанскій (VI в.) запрещаетъ пресвитеру жить въ одной квартирѣ съ лицами свѣтскими [3]). Соборъ Нарбоннскій въ Галліи, VI-го вѣка, не позволяетъ клирику, если онъ житель города, жить на большой улицѣ, въ предупрежденіе разсѣянности [4]). Одинъ соборъ римскій VIII-го вѣка постановляетъ правило о стрижкѣ волосъ [5]) и т. п. Слѣдуетъ замѣтить еще, что какъ ни высоко цѣнили на западѣ пастырей аскетическаго направленія, однакожъ тамъ же не съ большимъ сочувствіемъ смотрѣли на клириковъ, взятыхъ изъ монастырей [6]), также, какъ это было и на востокѣ (припомнимъ ранѣе приведенныя слова Златоуста).

Таковы то были идеальныя требованія церкви со стороны нравственно-общественнаго служенія пастыря, требованія вообще высокія. Правда, идеалъ пастыря не одинаковъ на востокѣ и западѣ. На востокѣ онъ выше, болѣе многостороненъ, болѣе

---

[1]) Св. Григорія Вел. Правило пастырское или о пастырскомъ служеніи. Переводъ. Стр. 25—26. Кіевъ, 1873.

[2]) Тамъ же, стр. 47.

[3]) Hefele. B. II, S. 757.

[4]) Hefele. B. III, S. 54. Freiburg, 1877.

[5]) Ibid. S. 516. Cf. 581.

[6]) Такъ бл. Августинъ не разъ замѣчаетъ, что ему приходится переносить много огорченій изъ-за тѣхъ клириковъ, которые сдѣлались таковыми изъ монаховъ. Онъ же прибавляетъ, что выходецъ изъ монастыря не можетъ быть хорошимъ клирикомъ. Онъ вообще находитъ, что даже хорошій монахъ иногда не имѣетъ необходимаго для клирика образованія и надлежащей пастырской опытности. (Н. Извѣкова. Іерархія Сѣверо-африканской церкви, стр. 40. Вильна, 1884).

жизненъ, и привлекателенъ, чѣмъ на западѣ [1]). Но и западный идеалъ, не смотря на нѣкоторыя крайности, все же довольно выражалъ идею христіанской нравственности. Осуществлять эти идеалы, къ сожалѣнію, умѣли только немногіе пастыри. Только такіе самоотверженные пастыри, какъ Василій великій, Іоаннъ Златоустъ, Григорій Богословъ, Августинъ, блаж. Ѳеодоритъ и проч., могли сказать, что ихъ жизнь дѣйствительно не расходилась съ тѣми высокими требованіями, какія предъявлялись церковію касательно пастыря. Извѣстное число прочаго духовенства тоже было не безъ достоинствъ; иные изъ духовныхъ старались своею жизнію и дѣятельностію приближаться къ идеалу пастыря. Златоустъ иногда хвалятъ современное ему духовенство за то, что оно очень честно относилось къ своему служенію и старалось избѣгать поводовъ къ осужденію его, духовенства [2]). Блаж. Августинъ въ своемъ сочиненіи: „О нравахъ православной церкви“ свидѣтельствуетъ, что онъ былъ знакомъ съ очень многими достойными мужами, не только епископскаго сана, но и пресвитерскаго, даже и діаконскаго, которыхъ доблесть приводила въ изумленіе самого его, Августина [3]). Даже языческіе писатели, наприм. Амміанъ Марцеллинъ, въ IV в., хвалятъ иныхъ епископовъ и клириковъ, что они вели жизнь простую и скромную [4]). Но если нѣкоторые пастыри, быть можетъ, вполнѣ осуществляли идеалъ пастыря, а другіе искренно стремились къ его осуществленію, то жизнь большинства лицъ духовнаго сословія была далеко ниже идеала, начертываемаго церковію. Уже пастыри IV и первой половины V-го вѣка, когда церковь сіяла своими доблестями, вызывали многія и сильныя укоризны за свое поведеніе, и это какъ на востокѣ, такъ и на западѣ.

---

[1]) Впрочемъ съ теченіемъ времени и на Востокѣ идеалъ пастыря началъ съуживаться. Такъ, наприм., появились требованія, чтобы духовныя лица не позволяли себѣ носить разноцвѣтныхъ одеждъ (VII всел. соб. прав. 16), чтобы епископы не принимали услугъ отъ женщины даже во время путешествія (тамъ же, прав. 18); также узаконена была для духовенства какая-то стрижка волосъ (Трульск. собора прав. 21) и проч.

[2]) Златоуста. Творенія въ рус. пер. Т. Ш, стр. 202. Спб. 1897 (Слово о Акилѣ и Прискиллѣ).

[3]) Н. Д. Извѣкова. Іерархія Сѣверо-африканской церкви, стр. 246.

[4]) Helle. Das kirchliche Vermögen bis auf Constantin. S. 42. Paderborn, 1876 г.

Посмотримъ на востокъ, что видимъ здѣсь? Григорій Богословъ ни на минуту не умолкаетъ въ обличеніи недостойныхъ пастырей. Вотъ какъ онъ характеризуетъ пастырей своего времени: „Духовенство—это огражденное прежде сѣдалище мудрыхъ, дворъ совершенныхъ, возвышеніе для ангельскихъ ликованій, рѣшетка раздѣляющая два міра. Такъ было прежде, а что теперь: смѣшно то и видѣть". „Страшный, изрытый пропастями оврагъ, это мы, т. е. наше забывшее свой чинъ, сословіе. Это мы не на добро возсѣдающіе на высокихъ престолахъ, мы враги немощей и въ то же время мертвецы, непрестанно заражающіе (другихъ) новыми и новыми недугами" [1]). По наблюденію Григорія, люди обремененные всевозможными пороками вступали въ духовенство и унижали это сословіе. „Всѣмъ отверстъ входъ въ незапертую дверь, т. е. къ священству, восклицаетъ Григорій, и кажется мнѣ: слышу глашатая, который стоитъ впереди и возглашаетъ: „приходите сюда всѣ служители грѣха, ставшіе поношеніемъ для людей, чревоугодники, отяжелѣвшіе отъ толщины, безстыдные, высокомѣрные, пьяницы, бродяги, злорѣчивые, одѣвающіеся пышно, лгуны, обидчики, скорые на ложную клятву, міроѣды, беззаконно налагающіе руки на чужое достояніе, убійцы, обманщики, льстецы предъ сильными, львы въ отношеніи къ слабымъ, двоедушные рабы, гоняющіеся за перемѣнчивымъ временемъ, полипы, принимающіе, какъ говорятъ о нихъ, цвѣтъ камня ими занимаемаго, недавно оженившіеся, кипучіе, съ едва пробивающимся пушкомъ на бородѣ, въ глазахъ ихъ неудовлетворенная любовь, потому что избѣгаютъ явной, невѣжды въ небесномъ, люди, обнаруживающіе свою черноту—приходите смѣло—иронически взываетъ Григорій—для всѣхъ готовъ широкій престолъ, приходите и преклоняйте выи подъ простертыя десницы (т. е. для посвященія). Общее всѣхъ достояніе воздухъ, общее достояніе земля, для всѣхъ и престолы" [2]). Пастыри, по описанію Григорія, перестали быть дѣйствительными пастырями, а сдѣлались волками, отъ которыхъ общество не могло ожидать себѣ добра. „Левъ, ехидна, змѣя болѣе великодушны и кротки въ сравненіи съ дурными

---

[1]) Творенія его Т. VI, стр. 6.77. Изд. 1-ое.

[2]) Тамъ же, стр 77—78.

епископами, исполненными гордости и не имѣющими и искры любви. Посмотри—и ты сквозь овечью кожу увидишь волка; если же онъ не волкъ, то пусть убѣждаетъ меня въ этомъ не словами, а дѣломъ; я не цѣню ученіе, которое противорѣчитъ жизни". „Пастыри, говоритъ тотъ же отецъ, по отношенію къ слабымъ какъ львы, а по отношенію къ сильнымъ какъ собаки, всюду сующіе свой носъ, и пресмыкающіеся чаще у дверей людей вліятельныхъ, нежели у дверей людей мудрыхъ. Они гоняются болѣе за пріятнымъ, чѣмъ полезнымъ. Одинъ изъ нихъ хвалится своимъ благородствомъ, другой краснорѣчіемъ, третій богатствомъ, четвертый своими связями, а тѣ, кто не могутъ похвалиться чѣмъ нибудь подобнымъ, хвастаются пороками" [1]). Болѣе обезпеченные въ матеріальномъ отношеніи епископы, по словамъ Григорія, вели жизнь вполнѣ свѣтскую. Они любили ходить съ пышной свитою, въ обращеніи съ другими они казались величавыми. По роскоши въ жизни „они хотѣли равняться съ консулами, правителями областей съ знатнѣйшими изъ военачальниковъ. Если имъ приходилось выѣзжать, то они ѣздили на отличныхъ лошадяхъ, блистательно высились на колесницѣ. Они любили, чтобы встрѣчали и провожали ихъ съ подобострастіемъ, чтобы всѣ давали имъ дорогу и разступались предъ ними, какъ предъ дикими звѣрями, какъ скоро даже издали увидятъ грядущаго епископа" [2]).—Все духовенство, по изображенію Григорія, любило проводить время съ пріятностію для своего чрева. „Бѣгутъ съ многолюдной свитой, говоритъ Григорій, на праздничный или именинный или похоронный или свадебный обѣдъ, чтобы все предать расхищенію—иное истребить собственными зубами, а иное предоставить своей свитѣ. Поздно же вечеромъ, едва переводя дыханіе отъ пресыщенія, съ трудомъ влекутъ они опять домой больное чрево, и еще не избавившись отъ прежней тяжести, спѣшатъ на другой большой пиръ" [3]). Дома иные изъ недостойныхъ пастырей того времени паче всего заботились о томъ, чтобы у нихъ были хорошіе повара, и искусно приправленныя снѣ-

---

[1]) Ullmann. Gregorius von Nazianz. S. 362—363. Gotha, 1866.

[2]) Творенія его. Т. IV, стр. 47 (Слово прощальное). Сл. стр. 121.

[3]) Твор. его Т. VI, стр. 72—73.

ди"; не мало попеченій прилагалось такими пастырями и объ одеждѣ: „мягкія и волнующіяся одежды" составляли ихъ слабую струну. (Все это свидѣтельство Григорія) [1]). О себѣ Григорій Богословъ, въ отличіе отъ другихъ пастырей, замѣчаетъ словами ветхозавѣтныхъ пророковъ: „я не изъ числа пастырей, которые „млеко ѣдятъ, волною одѣваются, тучное закалаютъ" (Іезек. 34, 3—4) или продаютъ (святыню) и говорятъ: „благословенъ Господь и обогатихомся" (Зах. 11, 5); не изъ тѣхъ, которые пасутъ самихъ себя, а не овецъ" [2]). Во взаимныхъ отношеніяхъ пастырей господствовали вражда и ненависть, желаніе величаться на счетъ униженія другихъ. Тотъ же Григорій пишетъ: „одни изъ нихъ состязуются за святые престолы, возстаютъ другъ противъ друга, поражаютъ и поражаются безчисленными бѣдствіями. Это неукротимые воители; они возглашаютъ мнѣ „миръ" и хвалятся кровію. Предлогомъ споровъ у насъ св. Троица, а истинной причиной невѣроятная вражда. Всякій двоедушенъ, это овца прикрывающая собой волка" [3]). Повеличаться на счетъ другаго —съ униженіемъ для этого другаго—это составляло очень обыкновенное явленіе въ средѣ пастырей. Вотъ наприм., что опредѣлено было на соборѣ Сардикійскомъ, происходившемъ, какъ извѣстно, въ IV вѣкѣ. „Если епископъ отправляется изъ одного города въ другой, изъ своей епархіи въ другую изъ видовъ тщеславныхъ, увлекаясь хвалами себѣ (какъ проповѣднику) или большею торжественностію богослуженія, и если желаетъ онъ провести тамъ долгое время, тогда какъ епископъ того города не искусенъ въ ученіи, то первый пусть не презираетъ послѣдняго и не проповѣдуетъ въ чужой епархіи слишкомъ часто, имѣя въ намѣреніи пристыдить и унизить личность мѣстнаго епископа; потому что это обыкновенно бываетъ поводомъ къ смятеніямъ. Такой епископъ указаннымъ способомъ старается похитить чужую каѳедру, не смущаясь покинуть порученную ему церковь и перейти въ другую". Это правило (11) сардикійское ненуждается въ комментаріи. Погоня за бреннымъ металломъ такъ же составляла не послѣднее зло среди прочихъ недостатковъ, принадлежащихъ пастырству

---

[1]) Тамъ же, т. IV, стр. 121. Изд. 1-ое.

[2]) Тамъ же, т. II, стр. 295. Изд. 1-ое.

[3]) Тамъ же, т. VI, стр. 79—80.

IV-го вѣка. „На словахъ только и слышишь отъ пастырей—говоритъ Григорій Богословъ—о „попеченіи душъ“, а на дѣлѣ они больше всего заняты „сборами и поборами“ со своихъ пасомыхъ [1].—Пастырское вліяніе на общество при такихъ условіяхъ едва-ли мыслимо. Жизнь пастырей не представляла ничего поучительнаго для народа. И дѣйствительно, Григорій отказываетъ пастырству въ его благотворномъ вліяніи на общество. Онъ говоритъ: „пастыри погрѣшаютъ непремѣнно въ одномъ изъ двухъ: или имѣя сами нужду въ снисхожденіи, чрезъ мѣру снисходительны, такъ что не пресѣкаютъ порока, а учатъ пороку, или же строгостію власти лишь прикрываютъ свои собственныя (порочныя) дѣла“ [2]. Развѣ въ одномъ только отношеніи худая жизнь пастырей, по Григорію, могла быть полезна; именно: народъ, смотря на недостатки духовенства, станетъ отвращаться отъ подобной ненравственной и легкомысленной жизни. „Кто пишетъ картину съ подлиннаго изображенія, говоритъ Григорій, тотъ сначала ставитъ предъ собой подлинникъ, а потомъ картина принимаетъ на себя списываемый образъ. Но кто смотритъ на васъ—обращаетъ рѣчь Григорій къ духовенству—тотъ пойдетъ противоположною стезею. И это единственная польза отъ вашей испорченности“ [3].

Вмѣсто того, чтобы быть учителями въ добрѣ и обличителями пороковъ, пастыри становились льстецами, особенно предъ лицами, власть имѣющими. Четвертый вѣкъ обиленъ примѣрами, которые свидѣтельствуютъ, какъ мало пастыри этого времени помнили о своемъ высокомъ назначеніи. Уже во времена Константина Великаго лесть становится явленіемъ, близко знакомымъ пастырямъ. Такъ одинъ изъ епископовъ, присутствовавшихъ на празднествѣ 30-лѣтія царствованія Константина не стыдится высказать такой грубый комплиментъ императору: „ты блаженъ, потому что въ этомъ мірѣ Богъ поставилъ тебя властелиномъ надъ всѣмъ, и въ будущемъ вѣкѣ ты будешь царствовать съ Сыномъ Божіимъ“. Лесть была настолько неумѣренна, что самъ императоръ счелъ долгомъ обуздать слишкомъ забывшагося епископа [4].

---

[1]) Тамъ же, VI, 19—20.

[2]) Тамъ же, II, 183.

[3]) Тамъ же, т. VI, стр. 78. Сл. т. I, 23.

[4]) Евсевія. Жизнь Константина, кн. IV, гл. 48.

Даже Евсевій Кесарійскій, знаменитый церк. историкъ, который смотрѣлъ на себя какъ на изобличителя лести, наклоненъ былъ къ этому же пороку. Самъ онъ, ослѣпленный блескомъ императорскихъ милостей къ епископамъ, въ своемъ сочиненіи: „жизнь Константина“, при описаніи одного императорскаго обѣда, происходившаго въ сообществѣ архіереевъ, не устыдился замѣтить, что обѣдъ этотъ былъ образомъ царства Божія на небѣ [1]). И это были епископы, носившіе еще на своемъ тѣлѣ, раны Діоклитіанова гоненія! А чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше и больше лесть повреждала сословіе духовенства. Василій Великій, взирая на отсутствіе дерзновенія въ пастыряхъ, прямо восклицаетъ: „молчатъ уста благочестивыхъ“ [2]).

Что касается до западнаго духовенства того же IV-го вѣка, то и его характеръ былъ не только не лучше восточнаго, но даже еще хуже. Блаж. Іеронимъ сохранилъ для насъ много любопытныхъ описаній западнаго духовенства IV-го вѣка. Разсматривая упадокъ нравовъ въ западномъ духовенствѣ, Іеронимъ объявляетъ, что хотя духовные и боялись „законовъ гражданскихъ, но за то Евангеліемъ пренебрегали“ [3]). Особенно развита была въ западномъ духовенствѣ алчность къ пріобрѣтенію денегъ, богатства. Для этой цѣли духовенство поднималось на всѣ хитрости и пожалуй низости. Іеронимъ говоритъ, что съ указанною цѣлію лица духовныя съ необыкновенною привѣтливостію обращались въ особенности съ матронами. „Клирики, пишетъ онъ, которые должны бы быть учителями закона и страха Божія, лобзаютъ главы матронъ, и протянувъ руку какъ бы для благословенія, принимаютъ подарки за свою привѣтливость“ [4]). Другіе клирики приходили къ той же цѣли путемъ жалкаго попрошайства. Іеронимъ говоритъ, что нѣкоторые клирики всю жизнь употребляютъ на то, чтобы изучать нравы благородныхъ женщинъ и пользовались этимъ изученіемъ къ своей выгодѣ. Онъ приводитъ примѣръ „одного старика священника, который съ ранняго утра спѣшилъ въ какой либо

---

[1]) Тамъ же, кн. Ш, гл. 15.

[2]) Творенія Василія Велик. Томъ VI, стр. 199 (Письмо къ Италійскимъ и Галльскимъ епископамъ). Изд. 3-ье. Серг. Посадъ, 1892.

[3]) Творенія его. Т. II, стр. 63 (Пис. къ Непоціану).

[4]) Тамъ же. Т. I, стр. 114. (Письмо къ Евстохіи).

домъ къ богатой матронѣ, проникалъ даже къ постели спящихъ. Здѣсь увидитъ подушку, изящное полотенце или что либо другое изъ домашней рухляди — ощупываетъ, удивляется, хвалитъ, и жалуясь, что нуждается въ этомъ, не выпрашиваетъ, замѣчаетъ Іеронимъ, а просто вымогаетъ, потому что женщина боится нажить себѣ врага во священникѣ“ [1]). Иные изъ западныхъ клириковъ дѣйствовали утонченнѣе и плутоватѣе. Они дѣлали видъ, что жизнь ихъ посвящена благотвореніямъ, раздавали гроши бѣднымъ и нищимъ и этимъ такъ подкупали богатыхъ христіанъ въ свою пользу, что въ ихъ карманы сыпались уже не гроши, а цѣлыя пригоршни золота, и хотя эти деньги назначались для раздачи нищимъ, но въ сущности они навсегда завязали въ карманѣ мнимыхъ филантроповъ. Іеронимъ пишетъ: „иные изъ духовныхъ понемногу подаютъ бѣднымъ, чтобы получить больше, и подъ предлогомъ благотворительности наживаютъ богатства. Это скорѣе своего рода охота, замѣчаетъ Іеронимъ — чѣмъ благотворительность. Попадаются звѣри, попадаются и рыбы. На крючкѣ насаживается небольшая приманка, чтобы подцѣпить на него кошельки матронъ“ [2]). Наконецъ, еще иные изъ тѣхъ же клириковъ поступали съ цѣлію пріобрѣтенія стяжаній — совсѣмъ низко. Они вкрадывались въ довѣріе къ бездѣтнымъ старикамъ и старухамъ и своею услужливостію склоняли ихъ оставлять имъ свое имѣніе, помимо прямыхъ наслѣдниковъ. Но послушаемъ, что говоритъ Іеронимъ. „Съ какими усиліями снискивается суетное наслѣдство! Нѣкоторые клирики отличаются постыдною услужливостію къ бездѣтнымъ старикамъ и старухамъ. Сами приносятъ ночную вазу, сидятъ подлѣ постели, принимаютъ въ свои руки желудочную отрыжку и легочную мокроту. Улучшеніе въ положеніи больнаго приводитъ ихъ въ тайное отчаяніе, а приближеніе развязки, т. е. смерти, веселитъ ихъ сердца“ [3]).—Итакъ деньги въ карманѣ. Что же дальше? Оставалось жить и веселиться. Такъ и поступали западныя духовныя лица. Они одѣвались пышно. Іеронимъ рисуетъ намъ образъ римскаго священника, одѣ-

---

[1]) Тамъ же, стр. 129.

[2]) Тамъ же, т. II, 66 (Пис. къ Непоціану).

[3]) Тамъ же, стр. 63.

таго въ изящную одежду, вспрысканнаго духами, такъ что священникъ смахивалъ больше на жениха, чѣмъ на служителя церкви. „Вся забота у нихъ, по словамъ Іеронима, объ одеждахъ, чтобы эти послѣднія издавали благоуханіе, чтобы нога была гладко обтянута мягкой кожей. Волосы завиты щипцами. На пальцахъ блестятъ перстни. Чуть-чуть ступаютъ они, чтобы не промочить подошвы на влажной дорогѣ. Когда увидишь такихъ людей, сочтешь ихъ скорѣе женихами, чѣмъ клириками“ [1]). Такіе клирики любили побаловать себя гастрономическимъ обѣдомъ, тонкимъ и изысканнымъ. Іеронимъ говоритъ: „родившись въ бѣдномъ домѣ или сельской хижинѣ, въ былое время едва онъ могъ насыщать свой желудокъ просомъ и чернымъ хлѣбомъ, а теперь для него ни-по-чемъ отличнѣйшая крупичатая булка и медъ. Онъ можетъ вамъ теперь пересчитать по пальцамъ родà и качества лучшихъ рыбъ. Онъ сейчасъ вамъ опредѣлитъ, гдѣ водятся эти устрицы; по одному запаху жареныхъ птицъ онъ различаетъ, изъ какихъ онѣ провинцій; ему доставляетъ удовольствіе только рѣдкое, дорогое кушанье“. „У бѣднаго священника Христова, замѣчаетъ иронически Іеронимъ, начальникъ провинціи лучше пообѣдаетъ, чѣмъ въ самомъ дворцѣ“ [2]). Совершенно такое же замѣчаніе въ частности о римскихъ епископахъ дѣлаетъ и языческій историкъ IV вѣка Амміанъ Марцеллинъ. Онъ говоритъ, что эти епископы задавали своимъ гостямъ такіе пиры, которые превосходили пиры самихъ императоровъ [3]). Правда, римскіе клирики строго соблюдали посты, такъ что не позволяли себѣ вкушать даже и масла. Но за то умѣли дѣлать постъ, если можно такъ сказать, роскошнымъ. Они прибавляли въ постную пищу въ качествѣ приправы — фиги, пальмовые плоды, медъ, фисташки, и пили прохладительные напитки [4]). Какъ всѣ люди хорошо накормленные и пригрѣтые судьбой, западные клирики не могли отказывать себѣ въ удовольствіяхъ, которымъ покровительствуетъ богиня Венера. Они, по свидѣтельству Іеронима, любили по-

---

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 129 (Пис. къ Евтохіи).

[2]) Тамъ же, томъ II, стр. 63. 68 (Пис. къ Непоціану).

[3]) Helle. Opus cit., S. 42.

[4]) Творен. Томъ II, стр. 69.

сѣщать молодыхъ дамъ, обмѣнивались съ ними разными подарочками, а также ласковыми и сладкими записочками [1]). Само собой понятно дѣло на этомъ не кончалось. Пользуясь доступомъ въ дома прихожанъ въ качествѣ утѣшителей и раздаятелей духовныхъ благъ, они соблазняли тамъ мужнихъ женъ; выманивали изъ семействъ особенно низшаго класса, дѣвицъ и обращали ихъ себѣ въ наложницъ [2]).—Въ другихъ отношеніяхъ нравственной жизни западные пастыри IV-го же вѣка являли себя тоже не образцами въ исполненіи нравственнаго закона, а его нарушителями. Такъ нѣкоторые изъ нихъ, проповѣдуя съ церковной каѳедры, заботились не о пользѣ слушателей, а о похвалахъ себѣ, старались больше всего о томъ, чтобы вызвать слушателей на аплодисменты. Обличая пастырей IV-го вѣка, Іеронимъ внушаетъ имъ: „когда ты учишь въ церкви, возбуждай не крикъ одобренія, но плачъ въ народѣ. Я не хочу, чтобы ты былъ декламаторъ, крикунъ и болтунъ безъ толку. Сыпать словами и скоростью рѣчи привлекать къ себѣ удивленіе черни—свойственно невѣждамъ“ [3]). Кромѣ того, епископы слишкомъ надмевались надъ пресвитерами, деспотически относились къ послѣднимъ. Себя считали какъ бы господами надъ прочими клириками. Такъ свидѣтельствуетъ Іеронимъ. Отношенія епископовъ къ прочимъ вѣрующимъ чужды были христіанской кротости съ одной стороны и дерзновенія съ другой. Предъ одними—низшими себя—пастыри вели себя гордо, предъ другими, сильными земли — ласкательствовали. Предъ одними, по словамъ Іеронима, они величались, какъ будто бы не благодатной Христовой должности достигли они, а мірскаго господства, являлись надутыми своею властью [4]). А какъ они вели себя предъ сильными земли, объ этомъ даетъ понятіе слѣдующій фактъ, разсказанный Сульпиціемъ Северомъ (Церковный писатель V-го вѣка). Войска императора Констанція, этого еретика аріанина и деспота, одерживаютъ верхъ надъ узурпаторомъ на западѣ—Магненціемъ. Епископъ одного города Валентъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 62.

[2]) Изъ творенія Амвросія Медіоланскаго: de officiis ministrorum. Op. cit., стр. LШ.

[3]) Творен. его. II, 65.

[4]) Тамъ же, 64.

спѣшитъ увѣдомить объ этомъ Констанція, и когда этотъ спрашиваетъ его, почему онъ это знаетъ, льстивость подсказываетъ епископу такой отвѣтъ: „ангелъ возвѣстилъ мнѣ это“ [1]). — Если таково было духовенство запада IV-го вѣка, то неудивительно, если великіе пастыри находили, что священство здѣсь не соотвѣтствовало своему назначенію. Амвросій Медіоланскій говорилъ: „пастыри церкви ищутъ больше благъ земныхъ, нежели спасенія душъ“ [2]). А нѣсколько позднѣе блаж. Августинъ тоже замѣчалъ: „такъ какъ многіе исполняютъ свои церковныя обязанности кой-какъ, то въ настоящее время нѣтъ ничего легче, веселѣе и пріятнѣе должностей епископа и пресвитера“ [3]).

Раньше мы замѣтили, что нравственный упадокъ духовенства обнаруживается даже въ цвѣтущее время церкви въ IV и V вѣкахъ. Изложивъ факты, касающіеся IV вѣка, обращаемся къ фактамъ того же рода изъ первой половины V вѣка. Однимъ изъ самыхъ интересныхъ документовъ, свидѣтельствующихъ о нравственномъ упадкѣ духовенства, служатъ акты собора Константинопольскаго 403 года противъ Златоуста. Соборъ этотъ собрался на другой сторонѣ Босфора противъ Константинополя, на дачѣ, извѣстной съ именемъ: При Дубѣ, принадлежавшей префекту Руфину: здѣсь былъ дворецъ, большая церковь и монастырь. Соборомъ руководилъ архіепископъ Александрійскій Ѳеофилъ, врагъ Златоуста. Онъ былъ вызванъ въ Константинополь для разбирательства его дѣла съ оригенистами, такъ называемыми долгими братьями, но ему, Ѳеофилу, благодаря интригамъ и неудовольствію двора на Златоуста, удалось устроить дѣло такъ, что соборъ былъ назначенъ не для суда надъ Ѳеофиломъ, а надъ самимъ Златоустомъ. Соборъ состоялъ частію изъ мѣстныхъ епископовъ, принадлежавшихъ къ константинопольскому округу, частію изъ епископовъ египетскихъ, которые прибыли сюда вмѣстѣ съ Ѳеофиломъ [4]). На соборѣ представлена была цѣлая масса обвиненій на Златоуста. Всѣ или почти всѣ эти обвине-

---

[1]) Historia sacra. Pars II, cap. 38.

[2]) Изъ творенія Амвросія: De officiis ministrorum, стр. LV.

[3]) Epist. ad Valerium episcopum (относится къ 391 г.): nihil esse in hac vita et maxime hoc tempore facilius et laetius episcopi et presbyteri aut diaconi officio....

[4]) Hefele. Conciliengesch. B. II, S. 90.

нія были совершенно несправедливы и нелѣпы, но тѣмъ не менѣе злоба восторжествовала: Златоустъ былъ осужденъ. Соборъ характеристиченъ въ томъ отношеніи, что онъ ясно показываетъ, на сколько изолгалось, прониклось интригами, злобою и ненавистію духовенство того времени. Сонмъ епископовъ и прочаго духовенства лгалъ и лгалъ на Златоуста, и не чувствовалъ низости своего дѣла. Говорятъ, что праздность есть мать всѣхъ пороковъ, а по нашему мнѣнію ложь есть мать всѣхъ пороковъ. Тотъ, кто лжетъ и клевещетъ и не чувствуетъ при этомъ стыда, тотъ потерянный человѣкъ, тотъ способенъ на всякій безнравственный поступокъ. А таково и было духовенство начала V-го вѣка въ Константинополѣ и Египтѣ. Но пускаться въ подробное описаніе собора „При Дубѣ“ нѣтъ надобности [1]). Въ какомъ состояніи находилось Константинопольское духовенство временъ Златоуста, съ этимъ хорошо можно знакомиться еще и по тѣмъ обличеніямъ, какихъ заслуживало это духовенство отъ своего архипастыря. Златоустъ изображаетъ: какъ священники и діаконы столичные бродили изъ одного богатаго дома въ другой (какъ это было во времена Григорія Богослова), бродили роняя достоинство своего духовнаго сана низкимъ угодничествомъ. Въ порывѣ священнаго гнѣва онъ уподоблялъ ихъ блюдолизамъ и плутамъ комедіи, приводя имъ въ примѣры свою собственную воздержность [2]). Епископы, по разнымъ обстоятельствамъ пріѣзжавшіе изъ провинціи въ столицу, вели себя, по свидѣтельству Златоуста,—ничуть не лучше. Такъ порицая Севериана Гавальскаго и Антіоха Птолемаидскаго, пріѣзжавшихъ въ Константинополь съ тѣмъ, чтобы добыть себѣ денегъ проповѣдями, Златоустъ, не осуждая этой цѣли, ради которой они пожаловали въ столицу, говорилъ имъ: „Антіохъ и ты, Севериан, ведете жизнь прихлебателей и льстецовъ, вы стали басней города, васъ выводятъ на сценахъ въ комедіяхъ“ [3]). Златоустъ совершенно пересталъ довѣрять честности своего клира.

---

[1]) Исторія этого собора подробно описана нами въ статьѣ: „Соборъ при Дубѣ, 403 года“. См. „Церковно-историческія повѣствованія — изъ давнихъ временъ церкви“, стр. 150—179. Изд. 2-ое. Спб., 1903.

[2]) Migne. Patrologiae cursus. Gr. ser. Tom. 47: Palladii — Dialogus historïcus (De vita Ioannis Chrysostomi), p. 20.

[3]) Тьерри. Св. Іоаннъ Златоустъ и Евдоксія. Переводъ, стр. 77. М. 1884.

Если было въ обычаѣ, что богатые люди раздавали пособіе бѣднымъ, чрезъ клириковъ, то Златоустъ удерживалъ благотворителей отъ такого способа благотворенія. Онъ находилъ, что деньги прилипали къ рукамъ клириковъ. Такъ, не желая, чтобы богатая Константинопольская аристократка, Олимпіада дѣлала клириковъ посредниками между собою и бѣдными, Златоустъ говорилъ ей: „ты вливаешь свою собственность въ море“ [1]). Нужно ли еще напоминать о тѣхъ суровыхъ приговорахъ, какіе произносилъ Златоустъ противъ клириковъ, жившихъ съ такъ называемыми „духовными сестрами“, съ которыми въ дѣйствительности ихъ связывали, слишкомъ плотскіе интересы.

Провинціальное духовенство временъ Златоуста было не лучше столичнаго. Самому Златоусту, въ качествѣ архипастыря столицы, приходилось разбирать очень соблазнительныя дѣла нѣкоторыхъ епископовъ, принадлежащихъ къ Ефесскому округу. Сообщимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о нравственномъ характерѣ епископовъ Ефесскаго округа. Во время одного засѣданія Константинопольскаго синода при Златоустѣ, кто-то изъ епископовъ подалъ жалобу на архіепископа Ефесскаго Антонина. Вотъ въ чемъ онъ обвинялъ этого послѣдняго: 1) онъ купилъ за деньги свой епископскій санъ и въ свою очередь, дабы возвратить потраченный капиталъ, продавалъ должности въ епископскомъ своемъ округѣ. Смотря по доходности, онъ обложилъ таксою всѣ епископства, на которыя онъ назначалъ архіереевъ; ставленники же епископы—въ свою очередь возмѣщали издержки чрезъ продажу священническихъ мѣстъ и св. тайнъ. 2) Онъ, Антонинъ, приказалъ обращать свящ. сосуды въ слитки, и дарилъ это серебро своему сыну; отъ дверей крещаленъ похищалъ мраморъ, которымъ и украсилъ свою баню; далѣе онъ перенесъ въ свой триклиній колонны, принадлежавшія церкви. 3) Онъ держитъ у себя въ качествѣ слуги мальчика, виновнаго въ убійствѣ, не наложивъ на него даже епитиміи. 4) Антонинъ возвратилъ къ себѣ жену, съ которою разлучился при своемъ посвященіи; сожительствовалъ съ ней и имѣлъ отъ нея нѣсколько дѣтей уже во время своего епи-

---

[1]) Созомена. Церковн. исторія, кн. VIII, гл. 9.

скопства [1]). Златоусту слѣдовало разсмотрѣть это соблазнительное дѣло. Но Антонинъ умеръ раньше, чѣмъ кончился его процессъ. Не было однако сомнѣнія, что Антонинъ былъ дѣйствительно повиненъ въ возводимыхъ на него преступленіяхъ, если не во всѣхъ, то во многихъ. Смерть Антонина не только не прекратила безпорядковъ въ Ефесскомъ округѣ, но даже увеличила ихъ. Вакантная каѳедра стала предметомъ искательства многихъ кандидатовъ; причемъ каждый изъ нихъ хотѣлъ подкупить избирателей. Къ Златоусту пришла жалоба нѣкоторыхъ Ефесянъ на безпорядокъ, въ которой говорилось: „въ то время, какъ мы пишемъ къ тебѣ, щедро раздаются деньги въ Ефесѣ, и стая бѣшенныхъ волковъ бросается на нашу епископскую каѳедру, какъ на свою добычу“ [2]). Златоустъ принужденъ былъ предпринять путешествіе въ Ефесъ и избрать для этого города новаго правильно поставленнаго епископа. Кромѣ того, здѣсь же онъ отставилъ отъ должности шестерыхъ епископовъ, принадлежащихъ къ Ефесской митрополіи и обвиненныхъ въ симоніи, т. е. въ томъ, что они были сдѣланы епископами за деньги, которыя были внесены въ пользу прежняго епископа Антонина. Сначала они запирались, но бывъ уличены, сознались, въ этомъ тяжкомъ грѣхѣ. Интересно, что стали говорить эти шестеро епископовъ. Они сказали: „если нельзя оставаться намъ епископами, то возвратите намъ деньги, которыя мы издержали для пріобрѣтенія сана. Многіе изъ насъ не только разорены, но отдали все до послѣдняго украшенія нашихъ женъ и домашней утвари. Справедливость требуетъ, чтобы это было намъ возвращено“. Златоустъ сжалился надъ ними и приказалъ обратить искъ на имущество, оставшееся послѣ умершаго Антонина [3]).

Картину нравственнаго состоянія духовенства первой половины V-го вѣка въ значительной степени пополняетъ для насъ—очень важный документъ: акты Халкидонскаго собора. Здѣсь разсматривалось два очень замѣчательныхъ дѣла: патріарха Александрійскаго Діоскора и митрополита Едесскаго Ивы. Мы не вѣримъ, чтобы эти два іерарха были

---

[1]) Migne. Gr. ser. Tom. 47: Palladii—dialogus historicus, p. 47—48.
[2]) Palladii, ibidem, p. 50.
[3]) Palladii, ibidem, p. 51.

такими извращенными личностями, какими ихъ рисуютъ обвинители на Халкидонскомъ соборѣ. Обвинители, конечно, много прибавили черныхъ красокъ, но тѣмъ не менѣе эти обвиненія имѣютъ историческое значеніе. Если сочтено было возможнымъ возводить на Діоскора и Иву разныя страшныя преступленія, то значитъ эти преступленія вообще возможны были въ церкви, значитъ они встрѣчались въ практикѣ. Но переходимъ къ фактамъ. На соборѣ возводились на Діоскора всевозможныя преступленія. Онъ изображается предъ нами какъ ненасытный корыстолюбецъ. О немъ разсказывали, что пшеницу, пожертвованную императоромъ для бѣдной страны Ливійской, изъ которой (пшеницы) должно было приготовлять Евхаристическій хлѣбъ и питать бѣдныхъ, что эту пшеницу онъ скупалъ, а потомъ во время голода продавалъ по самымъ дорогимъ цѣнамъ. Куда употреблялъ патріархъ Діоскоръ деньги, пожертвованныя на церковь, объ этомъ даетъ понятіе слѣдующій фактъ. Одна благочестивая Александрійская женщина отказала по завѣщанію очень крупную сумму на монастыри и странноприимные дома. Но Діоскоръ, озлобленный тѣмъ, что ничего не завѣщено въ его пользу, распорядился деньгами крайне безсовѣстно. Онъ раздарилъ ихъ музыкантамъ и актерамъ. Обвинители еще разсказывали самыя невѣроятныя вещи о распутствѣ патріарха. „Весьма часто безстыдныя женщины, по словамъ обвинителей, открыто веселились съ нимъ въ епископіи и въ его банѣ—особенно одна по имени Понсофія, которую знала вся Александрія“ [1]). Діоскору приписываются даже положительные разбои. Одинъ изъ клириковъ такъ жаловался на соборѣ: „на наши бѣдныя имѣнія онъ послалъ монаховъ и другихъ лицъ и предалъ ихъ пламени, такъ что всѣ зданія совершенно истреблены огнемъ, вырублены въ нихъ всѣ плодовыя деревья“. Онъ отнималъ дома у клириковъ и обращалъ ихъ въ церкви. Самихъ клириковъ безъ всякой вины сажалъ въ смирительный домъ и подсылалъ даже убійцъ, съ цѣлію умерщвлять лицъ, которыми недоволенъ былъ Діоскоръ. Ему прямо приписывались смертоубійства [2]).

Что касается Ивы митрополита Едесскаго, то и противъ

---

[1]) Дѣянія вселенск. соборовъ. Томъ III, стр. 257. Казань, 1879. Изд. 2-ое.

[2]) Тамъ же, стр. 255. 257. 258.

него на соборѣ Халкидонскомъ представлены были многія и тяжкія обвиненія. Прежде всего онъ изображается не меньшимъ корыстолюбцемъ, какъ и Діоскоръ. Онъ распоряжался деньгами церковными, какъ своими собственными. Такъ о немъ разсказывали, что когда для выкупа плѣнныхъ собрано было нѣсколько тысячъ монетъ, и когда для той же цѣли отдѣлена была часть церковныхъ сосудовъ, то Ива только одну тысячу употребилъ по назначенію, а остальное присвоилъ себѣ. Церковные доходы, простиравшіеся, по словамъ обвинителей, до несмѣтнаго количества, онъ раздавалъ брату и племянникамъ, и кромѣ того бралъ деньги за хиротонію. Церковные сосуды, украшенные дорогими камнями, обращалъ въ свою собственность. Обогащая себя и родню на счетъ церковныхъ сокровищъ, онъ сквозь пальцы смотрѣлъ на церковную скудость. Такъ, по словамъ обвинителей, однажды въ праздникъ собралось за богослуженіе много народу, и однакожъ выдано было очень мало вина для Евхаристіи, и притомъ вина дурнаго, нечистаго, только - что выжатаго, вслѣдствіе чего священнодѣйствующіе должны были послать за виномъ въ торговое заведеніе. При всемъ томъ Евхаристическаго вина не хватило на всѣхъ, такъ что многіе остались безъ причастія, тогда какъ сами они (Ива и другіе), замѣчается въ актахъ, пили и имѣли и всегда имѣютъ превосходное и удивительное вино“. Клиръ, подвѣдомый митрополиту Ивѣ, состоялъ изъ людей порочныхъ, потому что Ива мало обращалъ вниманія на дѣйствительныя достоинства лицъ, избираемыхъ на церковныя должности. Пресвитеры въ его клирѣ были самой зазорной нравственности. Въ особенности дуренъ былъ его племянникъ Даніилъ, епископъ одного города Едесской митрополіи. Это былъ человѣкъ безпорядочный и распутный, который ни мало не скрываясь часто приходилъ въ Едессу къ одной незамужней женщинѣ Холлоѣ, бралъ ее съ собой и, бродяжничая, предавался съ нею разврату. Къ немалому соблазну для церкви, этой же своей любовницѣ Даніилъ завѣщевалъ отдать по его смерти все его богатое имущество, составившееся путемъ святотатства и проч. [1]).

Для характеристики нравственнаго состоянія духовенства

[1]) Дѣян. всел. соборовъ. Томъ IV, 93—95. Каз. Изд. 2-е.

первой половины V-го вѣка имѣютъ большую цѣну письма св. Исидора Пелусіота, этого подвижника, родомъ изъ Александріи, проводившаго подвижническую жизнь близь небольшого египетскаго города Пелузіи. Его письма въ яркихъ и живыхъ чертахъ изображаютъ жизнь духовенства небольшой и малоизвѣстной Пелузійской церкви. Рядомъ съ свѣтлыми чертами въ нравственномъ положеніи духовенства этой церкви, онъ указываетъ и въ высшей степени мрачныя черты. Не смотря на то, что письма св. Исидора касаются небольшой, малоизвѣстной, провинціальной церкви, свѣдѣнія, сообщаемыя ими,—говоримъ—очень важны. Потому что, если духовенство ничтожнаго городка и то было весьма низко въ нравственномъ отношеніи, то безъ сомнѣнія еще хуже было оно въ большихъ городахъ: извѣстно, что порча нравовъ бываетъ всегда значительнѣе въ столицахъ и большихъ городахъ, чѣмъ селахъ и городкахъ.— По изображенію св. Исидора, какъ пелузійскій епископъ, такъ и подвѣдомственные ему пресвитеры были одинаково порочны. Епископа пелузійскаго Исидоръ упрекаетъ въ томъ, что „онъ предается похоти, гнѣву, непозволеной любви и готовъ дѣлать все, только бы проводить жизнь вопреки божественному закону“ [1]). Этого же епископа Исидоръ укоряетъ за то, что онъ „захвативъ епископское достоинство, церковныя должности раздаетъ своей роднѣ, что онъ незаконно распоряжается церковнымъ имуществомъ, присваиваетъ себѣ достояніе бѣдныхъ, вводитъ въ клиръ скопцевъ, людей женоподобныхъ“ [2]). Пресвитеры церкви Пелузійской много превосходили епископа своимъ неблагоповеденіемъ. Они составили компанію, цѣлію которой было превесело и порочно проводить жизнь. Во главѣ этой компаніи стоялъ пресвитеръ Зосима, коноводъ другихъ пресвитеровъ. Св. Исидоръ часто и въ особенно яркихъ чертахъ описываетъ дурную жизнь этого Зосимы. Онъ проводилъ время въ пьянствѣ, такъ что пьянствуя, по словамъ Исидора, терялъ умъ [3]). Не смотря на свое невѣжество, онъ былъ отъявленнымъ гордецомъ. Онъ ходилъ поднявъ высоко брови, надменно заги-

---

[1]) Творенія св. Исидора Пелусіота. Томъ I. стр. 196. М. 1859.
[2]) Тамъ же, 151.
[3]) Тамъ же, стр. 95. 182.

балъ голову, ступалъ на ногтяхъ—по замѣчанію Исидора [1]). Исидоръ приписываетъ ему и его товарищамъ даже противоестественные пороки. По словамъ Исидора компанія пресвитеровъ, подъ руководствомъ Зосимы „извратила не только божественные, но и естественные законы, ибо предаваясь безчинству, вопреки законнаго естества, они неистовствовали другъ на друга“ [2]). При одномъ случаѣ Исидоръ заразъ приписываетъ всѣ пороки Зосимѣ, называетъ его „хранилищемъ порока, сокровищницею безстыдства“, „ибо, замѣчаетъ Исидоръ, иные жестоки, но цѣломудренны, корыстолюбивы, но скромны, распутны, но кротки, а ты, Зосима, преуспѣваешь во всемъ“ [3]). Легко примиряясь со своею собственною порочностію, Зосима сквозь пальцы смотрѣлъ на грѣхи пасомыхъ и за подарокъ въ нѣсколько рыбинъ снималъ епитимію съ тяжкаго грѣшника [4]). Изъ числа лицъ пресвитерскаго сана, проводившихъ жизнь подобно Зосимѣ, особенно выдѣляется Мартиніанъ. Онъ, по словамъ Исидора, обвинялся въ волшебствѣ, въ срамныхъ и гнусныхъ грѣхахъ; спеціальностію его было кулачество. Онъ скупалъ хлѣбъ, когда этотъ былъ дешевъ и продавалъ его въ тридорога во время недостатка его на рынкѣ [5]). Всѣ эти пелузійскіе порочные клирики, по словамъ Исидора, не только не скрывали своихъ пороковъ, но дошли до такого безстыдства, что даже хвалились ими, какъ добродѣтелями [6]). Порочные пресвитеры сдѣлались притчею во языцѣхъ, возбуждали смѣхъ въ цѣлой Пелузіи [7]). Это у однихъ. А другіе считали ихъ бичемъ страны. Нѣкоторые, по словамъ Исидора, не вѣрили, что напр. Зосима человѣкъ, а утверждали, что онъ скорѣе какой нибудь звѣрь или человѣкоубійственный демонъ [8]). Противъ Зосимы и его сотоварищей сочинялись сатиры, въ которыхъ описывались всевозможные ихъ пороки, а сами эти лица предавались глумленію [9]). Нѣкоторые изъ вѣрую-

[1]) Тамъ же. Томъ II, стр. 256. М. 1860.
[2]) Тамъ же. Томъ I, 441. 324.
[3]) Тамъ же, т. I, стр. 369.
[4]) Тамъ же, т. II, стр. 286.
[5]) Тамъ же. Томъ I, стр. 390; томъ II, стр. 139.
[6]) Тамъ же. Томъ III, стр. 213. М. 1860.
[7]) Тамъ же, Томъ I, стр. 297.
[8]) Тамъ же. Томъ II, стр. 275.
[9]) Тамъ же, III, 175.

щихъ, наиболѣе знавшихъ о порочности Зосимы, не могли даже принимать изъ его рукъ евхаристическихъ даровъ, находили, что такой священникъ скорѣе осквернитъ, чѣмъ освятитъ [1]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что не только духовенство значительнѣйшихъ городовъ, гдѣ больше доходовъ и больше соблазновъ, но и духовенство городовъ бѣдныхъ, захолустныхъ въ первой половинѣ V-го вѣка одинаково не представляло изъ себя образца нравственности. Мы умышленно привели больше примѣровъ, чѣмъ сколько нужно было, и старались брать свидѣтельства отъ самыхъ авторитетныхъ писателей и документовъ, чтобы не могло быть никакой ошибки касательно дѣйствительно невысокаго уровня пастырской нравственности указаннаго времени.

Для большей ясности въ пониманіи тѣхъ примѣровъ, какіе приведены нами раньше, надлежитъ еще замѣтить слѣдующее: клирики жили или одиночками, а такихъ было большинство, или же они жили коммунарно, общежительно: пресвитеры, діаконы и прочій клиръ данной церкви, особенно немноголюдной, жили вмѣстѣ—нерѣдко и самъ епископъ жилъ съ ними же. Что нѣкоторые священники и другіе клирики иногда жили одиночками, это и доказывать нѣтъ надобности. Что же касается до коммунарной жизни духовенства, въ конвиктахъ, то не мѣшаетъ привести нѣсколько примѣровъ, такъ какъ самый фактъ совокупной жизни духовенства мало извѣстенъ въ наукѣ. Въ одномъ каноническомъ посланіи Василій Великій говорилъ, что въ его округѣ во многихъ мѣстахъ: пресвитеры, діаконы и другіе клирики, изъ которыхъ потомъ выбирались кандидаты на священство, жили вмѣстѣ, такъ что священники и діаконы могли хорошо знать жизнь кандидатовъ на священство и рекомендовать ихъ епископу [2]). У церковнаго историка Созомена V-го вѣка есть указаніе на одну Египетскую церковь (Ринокурурскую), гдѣ, по его словамъ, тамошніе клирики имѣли все общее—и жилище и столъ (VI, 31). На тоже указываютъ, сообщенныя уже нами свѣдѣнія о клирѣ въ Иппонѣ, при Августинѣ [3]) и въ Пелузіи, при св. Иси-

[1]) Тамъ же, II, 342.

[2]) Василія Вел. прав. 89.

[3]) Богосл. Вѣстникъ, 1902, т. II, стр. 481—482.

дорѣ Пелусіотѣ. Само собой понятно, что въ общежитіи жили только клирики неженатые, а такъ какъ подобныя общежитія встрѣчались нерѣдко въ церкви того времени, то ясно, что холостыхъ клириковъ тогда было очень много.— Жили ли клирики одиночками или общежитіями—въ томъ и другомъ случаѣ въ ихъ средѣ находили себѣ мѣсто разнаго рода пороки, но составъ пороковъ былъ у нихъ неодинаковъ. Одиночки заводили себѣ т. н. „возлюбленныхъ сестеръ", почти на положеніи конкубинъ, тогда какъ въ общежитіи поступать такъ было неудобно; тѣ же одиночки-клирики дѣлались корыстолюбивы,—вѣдь нужно было кормить, одѣвать и холить ихъ „возлюбленныхъ сестеръ"; у нихъ, одиночекъ, развивались мірскіе интересы, неодобрительное пристрастіе къ хозяйству, куплѣ, продажѣ и т. д. Напротивъ другаго рода нравственные недостатки развивались въ средѣ клириковъ—коммунаровъ. Такъ какъ имъ невозможно было имѣть ни жены, ни конкубины (точнѣе субъинтродукты), то среди ихъ появлялись противоестественные грѣхи, какъ это было напр. въ Пелузіи. Клирики общежительники, конечно, не имѣли у себя особенно хорошаго стола, поэтому они охотно всей толпой бѣгали по именинным, праздничнымъ и похоронным обѣдамъ (въ чемъ упрекали нѣкоторыхъ клириковъ Григорій Богословъ и Златоустъ). Живя вмѣстѣ, а иногда подъ непосредственнымъ главенствомъ епископа, они—коммунары—дѣлались горды, высокомѣрны, вѣдь они представляли изъ себя почтенную сплоченную силу. Они могли быть прочной опорой для дѣятельности епископа, но и могли сдѣлаться бичемъ для него: клевета, доносы, лжесвидѣтельства—все было въ ихъ рукахъ [1]). Это была какъ бы лейбгвардія, которая могла и стоять за епископа и бунтовать противъ епископа.

---

[1]) Златоустъ, наприм., утверждаетъ слѣдующее: „какъ тиранъ боится своихъ тѣлохранителей, такъ и священникъ (т. е. епископъ) опасается своихъ ближнихъ и сослужащихъ болѣе всѣхъ, потому что никто столько не домогается его власти и никто лучше всѣхъ другихъ не знаетъ дѣлъ его, какъ они; находясь близъ него, они прежде другихъ узнаютъ случившееся съ нимъ и легко могутъ встрѣтить довѣріе даже клеветамъ своимъ". Мало этого: „воспользовавшись незначительнымъ поводомъ, они сильно вооружаются на него и стараются низвергнуть его, не какъ тиранна только, но какъ еще худшаго человѣка" (Творен. его. Т. I, 427. Слово III о священ., гл. 14).

Изъ представленныхъ нами прежде образцовъ нравственнаго состоянія духовенства IV и V вѣка видно, что эта сторона жизни духовенства представляла мало отраднаго. Нравственный уровень былъ невысокъ и даже положительно низокъ. Отчего бы зависило такое явленіе? Гдѣ причины его? Первою и главнѣйшею причиною было то, на что мы намекали прежде,—то, что духовное званіе сдѣлалось выгодной профессіей, а не служеніемъ по глубокому нравственному убѣжденію. Кто смотрѣлъ на духовное званіе, какъ на выгодную профессію, тотъ, конечно, прежде всего думалъ о томъ, какъ бы извлечь побольше выгодъ изъ него, а наблюдать за тѣмъ, чтобы собственная жизнь его соотвѣтствовала идеалу, считалъ излишнимъ. Отсюда нравственныя послабленія для себя и своей жизни, послабленія, которымъ можно было полагать какіе-либо предѣлы, а можно и не полагать. Мысль, что въ разсматриваемое время пастырство сдѣлалось профессіей, хорошо уясняется Григоріемъ Богословомъ; онъ же указываетъ тѣ слѣдствія, какія неминуемо вытекали отсюда для нравственнаго положенія пастыря церкви. Григорій замѣчаетъ, что въ его время на пастырство многіе смотрѣли какъ на своего рода ремесло. Онъ говоритъ: „мнѣ стыдно за тѣхъ, кто, будучи ничѣмъ не лучше другихъ, если не хуже, съ неумытыми, какъ говорится, руками, съ нечистыми душами берутся за святое дѣло, и прежде нежели сдѣлались достойны приступить къ священству, врываются въ святилище, почитая свой санъ не образцемъ добродѣтели, а *средствомъ къ пропитанію*“. О такихъ, по Григорію, можно говорить, вотъ „и Саулъ во пророцѣхъ“ [1]). Эти лица—разумѣется — нисколько не давали себѣ отчета, что такое священство и въ простотѣ души думали, по свидѣтельству Григорія, что управлять человѣческими душами тоже, что пасти стадо овецъ или быковъ. Они главнымъ образомъ думали о томъ, какъ бы повеселѣе проводить время, будучи священниками. Въ этомъ случаѣ, по словамъ Григо-

---

[1]) Творен. его. Т. I. стр. 21. Тождественную мысль выражаетъ и св. Златоустъ. Вотъ его слова: „я открою, отчего епископство сдѣлалось предметомъ домогательствъ: причина въ томъ, что мы домогаемся его, не какъ обязанности управлять другими и заботиться о братіяхъ, а какъ чести, какъ покойной жизни“, разумѣется въ матеріальномъ отношеніи (Бесѣды на книгу Дѣяній Св. Апостоловъ, стр. 63. Спб. 1856).

рія, они ничѣмъ не отличались отъ дѣйствительныхъ пастуховъ. Какъ пастухъ думалъ о томъ, какъ бы отыскать развѣсистый дубъ, подъ тѣнью котораго удобно было бы расположиться, о томъ, чтобы полежать на мягкой муравѣ, у прозрачнаго ключа воды, подъ вѣтеркомъ устроить себѣ временное ложе, иногда со стаканомъ въ рукѣ пропѣть любовную пѣснь и заколоть себѣ овцу, какая пожирнѣе,—въ томъ же родѣ были, по увѣренію Григорія Богослова, и думы пастыря духовнаго [1]). Пастуху овецъ или быковъ доставляла своего рода удовольствіе его профессія; такого же рода искалъ удовольствій и пастырь, исполняя свое дѣло.

Другою причиною, вліявшею на упадокъ нравственнаго уровня духовенства былъ недостаточно внимательный выборъ лицъ, принимаемыхъ въ духовное сословіе. Такую причину указываетъ Іоаннъ Златоустъ въ „словахъ о священствѣ“. Златоустъ говоритъ: „мы сами обезображиваемъ священство, поручая его людямъ вовсе неопытнымъ, которые не узнавъ прежде сколь велики силы души ихъ и сколь трудна обязанность, охотно берутъ ее на себя, а когда приступятъ къ дѣлу, тогда по неопытности сами пребываютъ во мракѣ и на ввѣренный имъ народъ навлекаютъ множество золъ“. „Не отъ чего другаго вкрались въ церковь безпорядки, утверждаетъ Златоустъ, какъ отъ того, что предстоятели избираются безъ разсмотрѣнія, кое-какъ“ [2]). Блаженъ. Іеронимъ съ своей стороны въ поспѣшности, съ какой лица, желающія церковной должности, вводятся въ клиръ, видитъ одну изъ причинъ порчи класса духовенства. Онъ пишетъ: „вчера онъ оглашенный, а сегодня первосвященникъ; вчера въ амфитеатрѣ, а сегодня въ церкви; вечеромъ въ циркѣ, а утромъ уже въ алтарѣ; нѣкогда покровитель комедіантовъ, а теперь уже посвятитель дѣвъ“. „Какая нелѣпость“, замѣчаетъ Іеронимъ.—Скоро рукоположенный священникъ,—продолжаетъ Іеронимъ,—не знаетъ смиренія и кротости людей простыхъ, т. е. святыхъ, не знаетъ христіанскихъ словъ любви, не умѣетъ пренебрегать своими стремленіями, а стремится отъ одной почести къ другой“ [3]). Но

---

[1]) Тамъ же, стр. 22.

[2]) Твореп. его. Т. I, стр. 422 (Слово Ш, гл. 10).

[3]) Творен. его. Томъ П, 248 (Пис. къ Океану).

однако спрашивается: отъ чего же зависила такая невнимательность въ выборѣ лицъ, которыя должны были укомплектовать ряды духовенства? Златоустъ указываетъ двѣ причины явленія. Во-первыхъ, по Златоусту, епископы выбирали лицъ для клира по соображеніямъ постороннимъ и случайнымъ. Они уступали просьбамъ различныхъ дамъ, которыя, какъ всегда, любятъ мѣшаться не въ свое дѣло, а епископы по чему либо не могли отклонять подобныхъ ходатайствъ [1]). Во вторыхъ, по свидѣтельству Златоуста, нѣкоторые епископы по зависти отстраняли лицъ, достойныхъ уваженія, отъ вступленія въ клиръ, а пополняли его лицами негодными. Онъ говоритъ: „дѣлатели Христовы (епископы) разграбляютъ наслѣдіе Христово болѣе воровъ и непріятелей. Они отстраняютъ и отгоняютъ дѣлателей доблестныхъ для того, чтобы имъ при ихъ самоволіи дѣлать все, какъ имъ хочется. А причиной явленія зависть“ [2]).

Но по нашему сужденію, обѣ эти причины, указываемыя Златоустомъ, не уясняютъ дѣла. Дамы, конечно, могли вмѣшиваться не всегда, а лишь изрѣдка; такъ же не часто должны были встрѣчаться случаи, когда епископы изъ зависти устраняли лицъ достойныхъ. Во всякомъ случаѣ мы не можемъ отрицать того, что иногда зависть дѣйствительно заставляла епископовъ во что бы то ни стало отдѣлываться отъ такихъ лицъ, которыя своими достоинствами мозолили имъ глаза. Вотъ что, напримѣръ, разсказывалъ нѣкто Вассіанъ на Халкидонскомъ соборѣ. „Съ юношескаго возраста я жилъ для бѣдныхъ, я устроилъ страннопріимный домъ, поставилъ въ немъ 70 кроватей и радушно принималъ всѣхъ больныхъ и увѣчныхъ. Но Мемнонъ, епископъ Ефесскій, завидуя этому, потому-что я былъ всѣми любимъ, сдѣлалъ все, чтобы выгнать меня изъ города. Онъ насильственно посвятилъ меня въ епископы ничтожнаго селенія. Я не хотѣлъ принимать на себя управленія епископствомъ, поэтому Мемнонъ отъ 3-го до 6-го часа билъ меня предъ алтаремъ, такъ что и св. Евангеліе и алтарь обагрены были кровію. Я долженъ былъ покинуть городъ и не могъ даже видѣть этого города“ [3]). Но повторяемъ: зависть не можетъ объяснять

[1]) Творен. его. Томъ I, стр. 421 (Слово о священ. Ш, гл. 9).

[2]) Тамъ же, стр. 430 (Слово Ш, гл. 15).

[3]) Дѣянія вселен. соборовъ. Томъ IV, стр. 113.

всего дѣла. Завидуютъ обыкновенно низшіе высшимъ—таковъ психологическій законъ. И вѣроятно рѣдко встрѣчались случаи, когда епископъ завидовалъ клирику или кандидату на священную должность.

Причины, почему выбирались въ клиръ лица, не заслуживающія сана священства, хотя и сложны, но все же удобопонятны, если примемъ во вниманіе слѣдующія разъясненія. Съ IV-го вѣка число христіанскихъ общинъ быстро умножалось. Вслѣдствіе чего не для всякой общины или прихода можно было найти хорошаго пастыря. Приходилось ставить во священники кого случится. Такъ изъ опредѣленій одного помѣстнаго карѳагенскаго собора конца IV вѣка извѣстно, что въ этой церкви около этого времени сталъ чувствоваться большой недостатокъ въ клирикахъ, такъ что церковь карѳагенская должна была обращаться къ другимъ церквамъ за кандидатами во священники [1]). Очевидно, при такихъ условіяхъ нельзя было быть очень разборчивымъ въ выборѣ священниковъ. Епифаній епископъ Кипрскій IV-го же вѣка съ своей стороны свидѣтельствуетъ, что потому только и стали ставить священниковъ женатыхъ, вмѣсто безбрачныхъ, что христіанскихъ общинъ стало очень много и началò замѣчаться оскудѣніе лицъ безбрачныхъ, необходимыхъ для укомплектованія рядовъ духовенства [2]). Т. е. по сужденію Епифанія въ виду множества праздныхъ священническихъ мѣстъ стали вмѣсто лучшихъ кандидатовъ поставлять худшихъ. А это, естественно, могло простираться очень далеко. Вообще принимали въ клиръ всякій сбродъ [3]), просто потому,—говоря языкомъ современной политико-экономической науки,—что спросъ на священниковъ превосходилъ предложеніе. Если приходилось набирать въ клиръ кого-пришлось, то неудивительно, если эти лица и сами не были образцами добродѣтели и оставались безъ должнаго нравственнаго вліянія на общество.

---

[1]) Hefele. B. II, S. 81. (Недостатокъ возникъ на этотъ разъ вслѣдствіе перехода большаго количества православныхъ клириковъ въ расколъ донатистовъ).

[2]) Творенія его въ русск. переводѣ. Т. Ш, стр. 31. („Ересь“ 59, гл. 4) М. 1872.

[3]) Припомнимъ приведенныя выше патетическія слова Григорія Богосл. о нравственномъ состояніи духовенства его времени.

Вотъ главная причина, почему при избираніи на священныя должности недостаточно обращалось вниманія на достоинства избираемаго, но были и другія причины, вызывавшія разсматриваемое явленіе. Василій Великій свидѣтельствуетъ, что рекомендовать того или другаго человѣка, какъ способнаго быть клирикомъ, рекомендовать предъ епископомъ, лежало на обязанности священниковъ и діаконовъ, составлявшихъ клиръ извѣстнаго епископа, но что священники и діаконы злоупотребляли этою обязанностію. Они стали рекомендовать кандидатовъ безъ испытанія ихъ жизни, — по пристрастію, открывали доступъ къ священству своимъ родственникамъ и всякаго рода пріятелямъ, и вотъ появилось много недостойныхъ пастырей церкви. По свидѣтельству того же Василія Великаго „весьма многіе изъ опасенія попасть въ солдаты всячески старались опредѣлиться въ клирики“ [1]); конечно, для достиженія цѣли, они притворялись какъ будто они были люди благочестивые, кроткіе, готовые на самоотверженіе. Само собою понятно, изъ этихъ бѣглецовъ отъ солдатчины выходили сомнительнаго достоинства воины Христовы. Сами епископы подчасъ держались неправильныхъ взглядовъ на духовный санъ; они награждали этимъ саномъ лицъ, оказавшихъ имъ какія либо услуги. Значитъ пастырское служеніе разсматривалось какъ какое-то повышеніе въ чинѣ или мірская награда. Вотъ, наприм., какой былъ случай. Нѣкоего Геронтія, имѣвшаго познанія въ медицынѣ, св. Амвросій Медіоланскій сдѣлалъ діакономъ; но потомъ оказалось, что онъ былъ человѣкъ недостойный и Амвросій изгналъ его изъ клира. Но Геронтій не потерялся, отправился въ Константинополь, завязалъ разныя выгодныя знакомства, съумѣлъ оказать личную услугу сыну Элладія митрополита Кесаріи Каппадокійской. Элладій, хотя и зналъ прошлое Геронтія, но тѣмъ не менѣе, въ знакъ благодарности, сдѣлалъ его сначала священникомъ, а потомъ даже епископомъ Никомидійскимъ [2]). Раньше мы указывали и другіе случайные мотивы, по которымъ избирали тѣхъ или другихъ лицъ на служеніе алтарю. Изъ всего этого выходили печальныя слѣдствія. Кандидатовъ на священство, по

---

[1]) Св. Василія, прав. 89.

[2]) Созомена. Церк. Исторія, кн. VIII, гл. 6.

крайней мѣрѣ на Востокѣ, было много, а толку въ нихъ было очень мало. Василій Великій говоритъ [1]), что при каждой даже сельской церкви насчитывалось много кандидатовъ въ священныя должности, они исполняли разныя низшія обязанности при храмѣ, но „нѣтъ — замѣчаетъ святитель— нѣтъ никого достойнаго служенія алтарю". А если изъ такихъ кандидатовъ и избирались пастыри, то, конечно, они не могли принести блага церкви. Не даромъ Василій Великій взывалъ: „изчезла сановитость священниковъ, мало людей пасущихъ стадо Божіе разумно". „Ибо достигающіе священства, говоритъ онъ, въ благодарность за свой выборъ воздаютъ тѣмъ, что все позволяютъ въ угоду грѣшащимъ" [2]).

Третьей общей причиной явленія, т. е. нравственнаго упадка въ духовенствѣ, было неуваженіе къ священникамъ со стороны членовъ общества. Священникъ пересталъ быть лицемъ почётнымъ. Онъ сталъ предметомъ насмѣшекъ, зубоскальства, всяческихъ нападокъ. Златоустъ пишетъ [3]): „самый послѣдній нищій поноситъ епископа на площади. Разсердится ли епископъ, посмѣется ли, захочетъ ли дать себѣ отдыхъ—является много насмѣшниковъ, много соблазняющихся, много осуждающихъ". Общество положительно придиралось къ дѣйствіямъ лица священнаго: все выходило не такъ, да не такъ. Тотъ же Златоустъ влагаетъ въ уста мірянина такія слова: „если пастырь дѣлаетъ тоже, что и я —и моется въ банѣ, и пьетъ, (конечно, вино), и одѣвается, заботится о домѣ и домашнихъ, то за что же онъ поставленъ надо мною? Онъ имѣетъ у себя прислужниковъ, ѣздитъ на ослѣ, (т. е. не ходитъ пѣшкомъ), такъ зачѣмъ же поставленъ онъ надо мною" [4]). Угодить на пасомыхъ было невозможно. Если пастырь проявлялъ, напротивъ, аскетическія наклонности, его тоже позорили на всѣхъ перекресткахъ, какъ было наприм. съ Григоріемъ Богословомъ [5]). Златоустъ говоритъ: „что хвалитъ одинъ (въ епископѣ), то порицаетъ дру-

---

[1]) Прав. 89.

[2]) Творенія его. Т. VI, стр. 198 (Пис. къ италійск. и Галльскимъ епископамъ). Изд. 3-ье.

[3]) Бесѣды на книгу дѣяній Св. Апостоловъ (бес. 3), стр. 63—64. Спб. 1856.

[4]) Бесѣды на Посланіе ап. Павла къ Титу, стр. 16. Спб. 1859.

[5]) Творен. Григорія Богосл. Т. IV, стр. 47.

гой, а что осуждаетъ одинъ, тому удивляется другой“ [1]). Мало того. По словамъ тогоже св. отца: „за одинъ разговоръ свой онъ (пастырь) подвергается такому множеству нареканій, что часто падаетъ отъ унынія: его судятъ и за взглядъ; самыя простыя дѣйствія его многіе строго разбираютъ, примѣчая и тонъ голоса, и положеніе лица, и мѣру смѣха. Съ такимъ—то, говорятъ, онъ громко смѣялся, обращался съ веселымъ лицомъ и разговаривалъ возвышеннымъ голосомъ, а со мною мало и небрежно“ [2]). „Если онъ не способенъ говорить краснорѣчиво (проповѣди), то бываетъ сильный ропотъ, если способенъ говорить, то опять порицанія: онъ говорятъ, тщеславенъ“, пишетъ еще Златоустъ [3]). Если кто нибудь изъ епископовъ дѣлалъ какой-либо непростительный проступокъ, брань обращалась на всѣхъ архіереевъ. Общество было неумолимо жестоко. Въ одномъ правилѣ (19) Сардикійскаго собора сказано: „мы знаемъ, что часто вслѣдствіе соблазна допущеннаго немногими изъ епископовъ, почтенное имя священства подвергалось пренебреженію“. А сдѣлать непріятность епископу стало дѣломъ обычнымъ. Сочинялись доносы на епископовъ и не видно было конца этимъ кляузамъ. Въ одномъ правилѣ Карѳагенскаго собора замѣчено: „есть много неблагонамѣренныхъ, которые считаютъ своимъ долгомъ при всякомъ случаѣ дѣлать доносы на отцовъ и епископовъ“ [4]). Молва любила распространять въ обществѣ, что священныя лица утаиваютъ долю бѣдныхъ, что они воры, святотатцы, что они не умѣютъ управлять дѣлами [5]). Вообще Златоустъ говоритъ: „священниковъ, служителей духовныхъ благъ, пасомые осыпаютъ безчисленными злословіями или же сочувствуютъ другимъ злословящимъ. Подлинно, прибавляетъ онъ, ничто такъ не вредитъ церкви, какъ *эта болѣзнь* вѣка“ [6]). „Теперь, заявляетъ св. отецъ, даже отъ язычниковъ нельзя слышать такихъ злословій и порицаній противъ начальствую-

---

[1]) Бесѣды на посланіе ап. Павла къ Титу, стр. 14.

[2]) Творен. его. Т. I, 436 (Слово Ш о священств., гл. 17).

[3]) Бесѣды на посланіе ап. Павла къ Титу, стр. 16.

[4]) Собора Карѳаген. Прав. VШ. Русск. пер. („Дѣянія помѣстныхъ соборовъ“, стр. 113. Казань, 1877).

[5]) Бесѣды Златоуста на 2 Павлово Послан. къ Тимоѳею (бес. 2), стр. 27—28. Спб. 1859.

[6]) Творенія его. Т. Ш, стр. 202. (Слово объ Акилѣ и Прискиллѣ).

щихъ, т. е. епископовъ и священниковъ, которыя произносятся тѣми, кто принадлежитъ къ вѣрующимъ“ [1]). Между священникомъ и обществомъ возникла рознь. Случалось, что если епископъ хотѣлъ наказать чѣмъ нибудь провинившагося клирика, то жители города на зло епископу устрояли въ пользу виновнаго шумныя демонстраціи, выходили ему на встрѣчу въ несмѣтномъ количествѣ, со свѣчами и лампадами [2]). Само собой понятно, что при такихъ условіяхъ нельзя было ожидать, чтобы въ духовное сословіе стремились поступать люди, обладающіе достоинствами и самоуважающіе: ни одному порядочному человѣку не хочется быть мишенью для насмѣшекъ. Вслѣдствіе этого въ духовное сословіе могли поступать главнымъ образомъ только лица, которымъ насмѣшки и всякія порицанія ни почемъ, т. е. лица, лишенныя сознанія своего нравственнаго достоинства, а отъ такихъ лицъ нельзя было ожидать ни нравственности, ни нравственнаго вліянія на общество. Да и много ли можно было найти людей достойныхъ, которые считали бы честью для себя сдѣлаться священникомъ, когда свѣтское правительство сдѣлало изъ священства родъ наказанія. Одинъ историкъ разсказываетъ, что когда императоръ Зенонъ (V вѣка) пожелалъ отдѣлаться отъ своего соперника по престолу—Маркіана, то приказалъ схватить его въ банѣ и тотчасъ посвятить въ пресвитеры [3]).

Къ этимъ причинамъ нравственнаго упадка духовенства нужно еще прибавить слѣдующее: одною изъ очень видныхъ причинъ, вліявшихъ неблагопріятно на нравственное состояніе духовенства съ IV вѣка, было испорченное византійское

---

[1]) Тамъ же, стр. 199.

[2]) Дѣянія всел. собор. Т. IV, стр. 97. Изд. 2-ое. Каз., 1878.

[3]) Ѳеодора Чтеца. Церк. исторія, изъ кн. I, гл. 37. Съ подобными же фактами мы часто встрѣчаемся въ исторіи изучаемаго времени. Императоръ Ѳеодосій II съ радостію назначилъ непріятнаго ему префекта преторіи Кира епископомъ во Фригію (Ioan. Malalas. Chronograph. p. 361—2. Edit. Bonn.). Другого префекта преторіи Іоанна Каппадокіянина въ правленіе Юстиніана приказано было въ наказаніе посвятить въ пресвитеры (Прокопія Кесарійскаго. Исторія войнъ римлянъ съ персами и проч. Т. I, стр. 138. Рус. пер. Спб. 1862). Такія же извѣстія находимъ и у историка Ѳеофана, наприм., онъ разсказываетъ, какъ одинъ императорскій секретарь былъ наказанъ при Юстиніанѣ I-мъ поставленіемъ въ санъ діакона (Ѳеофана Лѣтопись, стр. 145. Переводъ Оболенскаго и Терновскаго М. 1884).

общество, въ частности византійская придворная атмосфера; византійскій дворъ былъ міромъ интригъ, пороковъ, низкой лести. Духовенство, какъ это и естественно, носило на себѣ слѣды растлѣнія того общества, изъ котораго оно выходило и того государства, интересамъ котораго оно служило.

Въ числѣ причинъ, содѣйствовавшихъ порчѣ нравственнаго характера духовенства на Востокѣ въ IV вѣкѣ иногда выставляютъ неблагопріятное вліяніе школъ латинскихъ на греческій Востокъ. Говорятъ, что Константинъ Великій перенесши столицу съ Запада на Востокъ, съ тѣмъ вмѣстѣ перенесъ сюда латинскія школы, которыя, имѣя цѣлію приготовлять адвокатовъ, давали очень поверхностное образованіе, пріучавшее къ крючкотворству и кляузничеству. А такъ какъ изъ питомцевъ этихъ-то школъ и стали брать съ IV вѣка на Востокѣ епископовъ и священниковъ, то духовное сословіе—говорятъ намъ—стало отражать на себѣ недостатки этихъ школъ: духовенство стало склонно къ интригамъ, кляузамъ, спорамъ изъ-за преимуществъ, вообще характеръ его мельчаетъ. Однако мы не думаемъ, чтобы это, во всякомъ случаѣ оригинальное, мнѣніе [1]) имѣло особенное значеніе. Во 1) духовенство испортилось гораздо раньше IV вѣка, какъ это показываетъ примѣръ Павла Самосатскаго и подчиненнаго ему духовенства изъ III вѣка; во 2) латинскія школы, перенесенныя съ Запада на Востокъ — допустимъ даже, что онѣ дѣйствительно были худы—не сейчасъ же распространились не сейчасъ же и принесли плоды. А между тѣмъ порча духовенства IV вѣка представляетъ собой такое яркое явленіе, которое едвали можетъ быть объясняемо вліяніемъ школъ, только что начавшихъ свое существованіе. Въ 3) большинство замѣчательныхъ западныхъ пастырей, какъ Амвросій, Іеронимъ, Августинъ, получили образованіе въ латинскихъ школахъ, и это образованіе не сдѣлало ихъ ни интриганами,ни кляузниками. Итакъ, если распространеніе школъ латинскихъ и могло оказывать неблагопріятное вліяніе на нравственный характеръ восточнаго духовенства, то это вліяніе остается причиной не главной, а не болѣе какъ второстепенной.

---

[1]) Проф. М. Е. Ковальницкаго (теперь: Димитрій, архіеп. Казанскій): „О значеніи національнаго элемента въ развитіи христіанства". *Труды Кіев. Дух. Академіи*, 1880, т. Ш, стр. 406—408.

Теперь доскажемъ исторію нравственнаго состоянія духовенства въ періодъ времени отъ VI-го до IX вѣка. Это были вѣка упадка церковной жизни во всѣхъ отношеніяхъ. Напередъ, поэтому, можно предполагать, что нравственное состояніе духовенства этого времени не стало лучше, чѣмъ въ болѣе цвѣтущее время церкви. Это такъ дѣйствительно и есть; тѣмъ болѣе, что не существовало никакихъ условій, какія содѣйствовали бы улучшенію разсматриваемаго состоянія духовенства. Примѣры доблестныхъ пастырей съ VI-го до IX вѣка встрѣчаются рѣдко, а примѣры пастырей съ противоположными качествами сплошь и рядомъ. Больше свѣдѣній имѣемъ о положеніи духовенства на Западѣ, поэтому о нравственномъ состояніи западнаго духовенства сначала и скажемъ. Папа Григорій Великій, жившій въ концѣ VI и началѣ VII вѣка, въ своихъ сочиненіяхъ высказываетъ немало жалобъ на нравственное состояніе духовенства. Онъ говоритъ, что священники и епископы только старались казаться святыми, а на дѣлѣ были не таковы [1]). Они не имѣли христіанской любви и желали властительства. „Они не имѣютъ, по Григорію, внутренней любви, но желаютъ быть господами; совсѣмъ забываютъ о томъ, что они отцы, и если когда по внѣшности ласковы, внутренно же свирѣпствуютъ“ [2]). Простой народъ—говоритъ св. папа—они обираютъ, не оказывая ему никакой пользы, а лицъ, власть имѣющихъ, даже за заблужденіе превозносятъ похвалами, и это для того, чтобы, говоря непріятное, не лишиться подарка отъ обличаемаго [3]). Священники расхищали чужое достояніе [4]). — Духовныя лица, по словамъ того же папы, принявъ на себя обязанность священника, не помышляли объ исполненіи ея. Проповѣдывать не проповѣдовали, главнѣйше потому, что „языкъ препинался отъ собственнаго нечестія проповѣдниковъ“ [5]). Священники ударились въ мірскія занятія, погрузились въ хлопоты житейскія. „Вотъ уже почти нѣтъ ни одного мірскаго дѣла, замѣчаетъ Гри-

---

[1]) Григорія Двоеслова (?). Бесѣды на Евангелія. Русск. пер. Томъ I, стр. 166. Спб. 1860.

[2]) Тамъ же, стр. 154.

[3]) Тамъ же, стр. 158—159.

[4]) Тамъ же, стр. 169.

[5]) Тамъ же, 152—153.

горій, которыми не занимались бы священники“ [1]). „Предаваясь всецѣло мірскимъ занятіямъ, они совсѣмъ забываютъ, что они поставлены заботиться о вѣчномъ спасеніи душъ. Когда есть у нихъ мірскія занятія, то они въ восторгѣ, говоритъ св. Григорій, если же нѣтъ, то ни днемъ, ни ночью не даютъ себѣ покою, придумывая, какъ бы отыскать ихъ. И въ этихъ суетныхъ заботахъ они находятъ величайшее наслажденіе, такъ что они собственно тяготятся отсутствіемъ этихъ заботъ, а не тѣмъ, когда они ежеминутно подавляютъ ихъ“ [2]). Къ числу видныхъ недостатковъ въ положеніи духовенства Григорій относитъ и то, что епископы продавали духовныя должности, пятнали себя симоніей [3]). Григорій необинуясь думаетъ, что различныя бѣды, какія постигали въ его время общество, суть наказаніе Божіе за нечестіе священниковъ [4]). Вообще онъ замѣчаетъ, что „священники нечестивою жизнію поспѣшаютъ къ адскимъ наказаніямъ“ [5]). Западные соборы съ VI в. указываютъ множество самыхъ печальныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о нравственномъ растлѣніи духовенства. Соборъ Нарбонскій VI вѣка свидѣтельствуетъ, что епископы слишкомъ обременяли клириковъ различнаго рода поборами [6]). Соборъ Толедскій VII в. указываетъ, что нѣкоторые епископы до чиста обирали деньги, принадлежавшія извѣстной церкви, такъ что ничего не оставалось ни на долю клириковъ, ни на благоустройство храма [7]). Другой соборъ Толедскій того же вѣка свидѣтельствуетъ, что визитаціи епископскія извѣстныхъ приходовъ настолько были обременительны для духовенства, что настала забота, чтобы уменьшить подобные наѣзды [8]). Въ срединѣ VI вѣка собранъ былъ соборъ въ Ліонѣ для суда надъ двумя епископами, обвинявшимися въ насиліяхъ различнаго рода: смертоубійствѣ, прелюбодѣяніи и другихъ тяжелыхъ преступленіяхъ, и соборъ призналъ ихъ винов-

---

[1]) Тамъ же, стр. 170.
[2]) Правило Пастырское, стр. 63—64.
[3]) Бесѣды на Евангелія. Т. I, 165.
[4]) Тамъ же, стр. 171.
[5]) Тамъ же, стр. 174.
[6]) Hefele. Conciliengeschichte. B. III, S. 53. Freib. im Br. 1877.
[7]) Hefele, ibid. S. 83.
[8]) Hefele, ibid., S. 95.

ными [1]). Одинъ изъ германскихъ соборовъ VIII вѣка указываетъ на распространеніе прелюбодѣянія и другихъ плотскихъ пороковъ въ духовенствѣ: діаконы имѣли по 4 и 5 конкубинъ и это однако не мѣшало имъ восходить къ высшимъ достоинствамъ — до епископства включительно, достигнувъ котораго они оставались по прежнему порочными. Другіе епископы были пьяницами, развратниками, страстными любителями охоты [2]). На другомъ соборѣ того же VIII-го вѣка открылось, что одинъ епископъ позволялъ себѣ вещь кощунственную: построилъ капеллы въ честь собственнаго имени и заставилъ молиться въ нихъ. Тотъ же соборъ перечисляетъ и другія преступленія духовенства, въ Германіи [3]).

Каково было нравственное состояніе духовенства на Востокѣ, въ позднѣйшія времена древней церкви, послѣ V вѣка, объ этомъ даютъ намъ понятіе прежде всего правила соборовъ Трулльскаго и VII-го вселенскаго. Здѣсь мы снова встрѣчаемся съ указаніями на тѣже пороки духовенства, какіе замѣчались въ немъ и раньше. Тоже злоупотребленіе церковными доходами, тоже корыстолюбіе, таже раскошная жизнь, когда позволяли это средства и проч. Но къ такимъ уже извѣстнымъ изъ прежней исторіи недостаткамъ присоединяются еще новые и новые. Появились занятія въ духовенствѣ, которыя заслуживали полнѣйшаго порицанія. Такъ одни изъ клириковъ содержали корчемницы (Трул., прав. 9), а другіе—даже дома терпимости (Трул., прав. 86). Нѣкоторые изъ епископовъ возводили на подчиненныхъ имъ клириковъ различныя мнимыя преступленія и налагали эпитимію, а потомъ за золото и серебро прощали мнимыхъ виновниковъ (VII-го вс. соб. прав. 4). Какъ мало даже самые первые изъ іерарховъ заботились объ интересахъ церкви, объ этомъ можетъ давать представленіе слѣдующій фактъ, случившійся въ царствованіе Юстиніана II (кон. VII и нач. VIII в.). Императоръ Юстиніанъ II захотѣлъ разрушить одну церковь, сооруженную въ честь Богоматери, съ тѣмъ чтобы на этомъ мѣстѣ устроить ложи для цирковой партіи т. н.

---

[1]) Hefele, ibid. S. 21.
[2]) Hefele, ibid. S. 498.
[3]) Hefele, ibid. S. 514.

голубыхъ. Но императоръ не рѣшается прямо взяться за это дѣло. Его мучитъ совѣсть. И вотъ онъ требуетъ отъ константинопольскаго патріарха, чтобы этотъ благословилъ разрушеніе храма, прочиталъ бы, приличествующую случаю, молитву. Патріархъ сначала было отказывался исполнить требованіе императора, представляя въ свое оправданіе то, что онъ знаетъ, какія молитвы читаются при созданіи храмовъ, но что ему неизвѣстны молитвы, какія произносились бы при ихъ разрушеніи. Тѣмъ не менѣе воля императора взяла верхъ. Слабый угодливый патріархъ уступилъ, рѣшился произнести слѣдующую молитвенную формулу, освящая разрушеніе храма: „слава и честь Богу, долготерпящему всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“ [1]). Въ духовенствѣ разсматриваемаго времени въ особенности замѣчается забвеніе о томъ, что оно—пастыри душъ, что сюда должны быть направлены его помыслы и стремленія. Такъ какой-то анонимный авторъ посланія къ императору Константину Копрониму, дошедшаго до насъ съ именемъ Іоанна Дамаскина, какъ можно думать, монахъ или вообще какое-либо духовное лицо, пишетъ: „Епископы нашего времени только и заботятся о лошадяхъ, о стадахъ, о полевыхъ угодьяхъ и денежныхъ поборахъ,—о томъ, какъ бы повыгоднѣе продать свою пшеницу, какъ лучше разливать вино, какъ продавать масло, какъ прибыльнѣе сбыть шерсть и шолкъ-сырецъ, и разсматриваютъ тщательно только цѣнность и вѣсъ монеты; они старательно наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы столъ ихъ ежедневно былъ сибаритскій—съ виномъ благовоннымъ и рыбами величины необычайной. Что же касается паствъ, то о душахъ пасомыхъ нѣтъ у нихъ ни малѣйшей думы. Пастыри вѣка сего истинно стали, по выраженію Писанія, волками. Какъ только замѣтятъ они, что кто нибудь въ подвѣдомой имъ паствѣ совершилъ хотя бы малый какой проступокъ, мгновенно воспрянутъ и разразятся всевозможными эпитиміями, нисколько не помышляя при этомъ о дѣйствительномъ назначеніи пастырскаго служенія, относясь къ паствѣ не съ помыслами пастырей, а съ разсче-

---

[1]) Θеофана. Лѣтопись, стр. 270. (У этого же писателя есть указанія на существованіе исключительной порочности даже въ средѣ епископовъ разсматриваемаго времени, именно VI вѣка, стр. 137).

томъ наемныхъ поденьщиковъ“ [1]). Разумѣется, историкъ долженъ относиться къ этому безъименному свидѣтельству съ осторожностію и принимать его съ ограниченіями; но тѣмъ не менѣе можно утверждать, что такіе пастыри могли быть хорошими помѣщиками, но очень мало надежными руководителями душъ.

А. Лебедевъ.

[1]) Migne. Patrologiae cursus. Gr. ser. Tom. 95, col. 329 (Oration. advers. Constantinum Cabalinum).